

Рыцарь темного солнца

Автор:

Валерия Вербинина

Рыцарь темного солнца

Валерия Вербинина

Юной Мадленке Соболевской предстоит незавидная доля – по решению семьи ее против воли отправили в монастырь. Но по дороге на девушку и ее спутников напали неизвестные, она одна осталась в живых. Мадленка была уверена, что в происшедшем виноваты немецкие рыцари-крестоносцы, о которых в этих краях ходила дурная слава. Переодевшись в мужское платье, она отправилась ко двору влиятельного польского князя в поисках справедливости. По пути девушка встретила раненого немецкого рыцаря с прекрасными синими глазами и, несмотря на свои подозрения, помогла ему – он ничего не знал о нападении. Мадленка даже не предполагала, что это далеко не последняя их встреча...

Валерия Вербинина

Рыцарь темного солнца

Часть I

Глава 1,

в которой рассказывается о некоем необыкновенном дрозде с желтым клювом

В день мая десятый года 1421-го младшая дочь благородного шляхтича Соболевского, при крещении Магдаленой-Марией нареченная, а для близких и друзей – просто Мадленка, навсегда покинула отчий дом.

Путь ее лежал в далекий монастырь Святой Клары, где должна она была принять постриг согласно воле своей матери. Несколько месяцев назад напал на госпожу Анну тяжелый недуг и мучил ее все дни напролет, не отпуская; тогда дала она в костеле торжественный обет, что, если бог сжадется над ней и пошлет исцеление, она в смирении своем пожертвует ему нечто цены не имеющее, чего никто другой ему точно дать не сможет, – да вот хотя бы дочь Мадленку рыжую. Через некоторое время – то ли потому, что дар и впрямь показался столь заманчивым, а может, оттого, что последний лекарь оказался удачливее двух предыдущих, – необъяснимую хворь госпожи Анны как рукою сняло, и пришлось ей вспомнить об исполнении данного слова.

Когда начали подыскивать для Мадленки, коей шел шестнадцатый год, обитель, очень скоро выяснилось, что лучше места, чем монастырь Святой Клары, во всем Польском королевстве не сыскать. Настоятельницей его была мать Евлалия, особа весьма примечательная, из очень хорошей семьи и притом родственница самой покойной королевы Ядвиги. Мало того, оказалось, что аббатиса гостит в настоящее время у соседей Соболевских и вскоре собирается вернуться в монастырь. Госпожа Анна припала к стопам святейшей особы и поведала ей о причине, побудившей к ней обратиться. Вначале настоятельница держалась довольно сдержанно, как и подобает ее сану, но узнав, что Мадленка не замешана ни в каком неприличном деле, требующем ее удаления от мира, – проще говоря, не родила ребенка до брака, не беременна и не имеет скандальной репутации, а также, что она лишена явных физических недостатков и не придет в обитель бедной сиротой, – малость оттаяла и сообщила, что должна увидеться с будущей послушницей, дабы принять окончательное решение.

На следующий же день Мадленку представили матери Евлалии, которую приятно удивили располагающие к себе манеры и обширные знания ее будущей подопечной. Мадленка говорила по-польски, по-латыни, по-немецки и даже по-флорентийски (так именовался в те времена наиболее популярный диалект сладкозвучного итальянского языка), отличалась набожностью, хотя ее знание Священного Писания и оставляло желать лучшего, была прилежна и любознательна. Однако, несмотря на это, мать Евлалию мучили сомнения. Очень уж далека казалась ей смешная девчонка с оттопыренными ушками от образа

благочинной послушницы, слишком она была восторженна и наивна, а непоседливостью и вовсе напоминала настоятельнице умильную обезьянку. С другой стороны, сердце у Мадленки было доброе, и проницательная мать Евлалия не сомневалась, что при надлежащем подходе из нее многое может получиться. Чем неподатливее материал, тем благороднее выходит творение, и поэтому настоятельница не стала долго медлить с согласием.

Госпожа Анна ликовала, благородный шляхтич Соболевский радовался, ибо ему приятно было в кои-то веки видеть свою жену довольной, о мнении же Мадленки касательно того, как родители распорядились ее судьбой, мы не имеем решительно никаких достоверных сведений, ибо подобные мелочи в те времена никого не интересовали. Как только стало известно, что Мадленка едет в монастырь, служанки стали укладывать ее вещи – тогда было принято отречься от мира, не забывая, однако же, о том, что платья и драгоценности, облегающие тело, нисколько не вредят душе и что презренный металл – деньги – уходит на поддержание того же тела в приличном количестве, от чего душа опять-таки только выигрывает. Сама Мадленка мало участвовала в этих сборах; она сидела нахохлившись и думала, что, если был бы жив старый дед (он умер прошлой весной в возрасте восьмидесяти четырех лет), он бы не позволил, чтобы его драгоценную внучку, в которой он души не чаял, вверили какой-то благообразной выдре с холодными руками, будь она хоть сама королева и жена короля.

Надо сказать, что Мадленка почти боготворила деда и была самой верной слушательницей его бесконечных историй и самой рьяной почитательницей его многообразных ратных талантов. Дед много путешествовал по всему свету и бывал в таких местах, о которых другие отродясь не слыхивали, а один раз его занесло в Париж, во владения короля французского, до которых в то время было отнюдь не рукой подать. Дед был для Мадленки образцом всех мыслимых и немыслимых добродетелей: умный, честный, гордый, независимый и храбрый. Об отваге его и вовсе ходили легенды; всю свою долгую жизнь он воевал – с крестоносцами[1 - Подразумеваются носившие одежду с крестами рыцари Тевтонского ордена, в описываемое время имевшего собственное государство, которое располагалось на территории, захваченной у Пруссии, Польши и Литвы (здесь и далее – примечание автора).], с татарами, с литовцами, со своими же поляками и опять с крестоносцами – и не сложил оружия даже тогда, когда иные, более слабые духом, помышляют о покое. И то сказать, дед, уже будучи в возрасте за семьдесят, участвовал в знаменитой Грюнвальдской битве, где было наголову разбито войско немецких рыцарей, и хвастался, что в тот день собственноручно уложил четверых врагов, не меньше. Он умер, поперхнувшись

молоком, которое его заставили пить – его, всю жизнь не признававшего ничего, кроме вина! – и Мадленка искренне тосковала по нему и никогда не забывала упомянуть его в своих молитвах.

Утром десятого числа девушка простилась с родителями, отец благословил ее, мать дала последние наставления, потом настал черед слуг (некоторые плакали в голос, так что пану Соболевскому пришлось призвать их к порядку). Что говорить, даже госпожа Анна расчувствовалась при расставании с дочерью, которую едва замечала прежде. Так получилось, что рождение Мадленки чуть не стоило ей жизни, и, быть может, поэтому госпожа Анна жаловала рыжую егозу куда меньше остальных своих детей. Больше всего она гордилась Михалом, бывшим старше Мадленки на год. Он единственный из сыновей дожил до отроческого возраста и со временем должен быть унаследовать отеческую вотчину – имение Каменки и прилегающие к нему земли. Это был длинноногий, как журавль, темнокудрый юноша с ломающимся голосом и намечающимися над верхней губой усиками, которыми он гордился чрезвычайно. В детстве он и Мадленка были неразлейвода, и поэтому Михал вызвался проводить сестру до развилки.

– Только не задерживайся! – наказала ему мать. – На развилке дорог попрощайтесь, и сразу же возвращайся.

Мадленка села в возок с матерью-настоятельницей и молодой застенчивой монахиней, невнятно представившейся как сестра Урсула. Вещи будущей послушницы заняли еще две повозки, и Михал, увидев их, протяжно присвистнул. Так как земли ненавистных крестоносцев находились совсем близко, караван на всякий случай сопровождало около десятка вооруженных слуг настоятельницы верхами, да пан Соболевский выделил еще четверых человек для охраны. Мадленка вертела головой, ей все казалось непривычно и любопытно, и она даже толком не заметила, как тронулись с места. От скрипучих колес вздымалась пыль, возницы понукали волов, лошади верховых фыркали. Собаки в усадьбе, встревоженные непонятной суматохой, подняли лай, а одна, которую Мадленка особенно любила, бежала за возком, пока они не выехали на дорогу, но потом отстала и понуро побрела обратно. Михал на своем чалом, сером с белыми вкраплениями, коньке ехал со стороны Мадленки, развлекая ее разговором о всяких пустяках. Они миновали первую развилку, затем вторую, а Михал и не думал возвращаться. Мадленка была в глубине души рада этому – больше всего она боялась наступления того момента, когда брат поймет, что ему пора назад, и она останется одна, совсем одна среди чужих и

чуждых ей людей. Она уже заметила, что мать-настоятельница и монахиня пристально изучают ее, так сказать, приглядываются к ней, и Мадленка не сумела бы объяснить почему, но в их присутствии ей становилось почти не по себе. Сестра Урсула, хоть и совсем молодая, не старше двадцати, безотчетно не нравилась ей – очень уж робкая и незаметная. «Подлиза», как ее определила про себя Мадленка, или, может быть, она просто запугана. Каждое слово монахини было проникнуто стремлением угодить собеседнику, ну а когда ей приходилось отвечать настоятельнице, в лице и манерах ее появлялась такая подобострастность, что вольнолюбивая Мадленка даже немного ежилась от неловкости. Сама мать-настоятельница с виду казалась доброй и кроткой женщиной, сущим ангелом милосердия, но чуткая Мадленка подозревала, что внутри у нее стальной стержень – слишком уж много почтительности окружало эту немногословную пани, всегда говорившую негромко, уверенно и спокойно, слишком уж были вышколены ее слуги и слишком безупречно держалась она сама. Ее распоряжения выполнялись быстрее, чем были высказаны, ее приказы не подлежали обсуждению. Аббатиса Евлалия выглядела так, словно никогда не заблуждалась и никогда не сомневалась в своей правоте, – а для Мадленки, постоянно метавшейся из крайности в крайность, это было хуже всего. Вместе с тем девушка не могла не признать, что настоятельница довольно симпатична и явно настроена заботиться о ней. Но чего-то ей все же не хватало – скорее всего, обыкновенной человеческой теплоты. Интересно, подумала Мадленка, чем целыми днями занимаются монашки в монастыре? Наверное, только и делают что молятся и поют, поют и молятся. А у нее, как назло, совершенно нет голоса. Дед уверял, что она может только скулить не хуже их собаки Белоножки. Мадленка поймала себя на том, что не слушает брата, и сердито потерла кончик носа.

– Да ты не горюй, – говорил меж тем Михал. – Монахиней быть очень даже хорошо, это все равно что быть ближе к богу. И потом, я буду тебя навещать, когда смогу.

– Правда? – обрадовалась Мадленка.

– Вот те крест, буду.

– Посещения мужчин у нас не поощряются, – вмешалась мать Евлалия.

По ее тону Мадленка поняла, что Михалу, который таскал сестру на спине, изображая коня, когда та была совсем маленькая, после чего оба радостно

валились на землю и устраивали возню, уж точно не дадут ее видеть.

– Но ведь Михал мой брат! – возмутилась девушка.

Мать Евлалия поглядела на нее ласковыми бархатными глазами. Этого взгляда оказалось достаточно, чтобы Мадленка присмирела – хотя она и сама не понимала, почему.

– Тем более, – загадочно молвила настоятельница в ответ на ее замечание.

Мадленка насупилась. Она не любила, когда ей перечили, особенно если отказ был таким бессмысленным и жестоким, как только что прозвучавший.

– Ты теперь послушница, – продолжала мать Евлалия, – и тебе придется отрешиться от всего мирского, дитя мое. От всего, – подчеркнула она бесстрастно.

Михал сочувственно ухмыльнулся сестре и подкрутил намечающийся, но покамест более воображаемый, чем реальный, ус.

– Сестра Урсула тебе поможет, – ровным тоном добавила настоятельница. – Она одна из самых примерных монахинь.

Молодая монашка при этих словах потупилась и покраснела пятнами. Она явно не привыкла, чтобы ее хвалили в глаза. Будущая послушница посмотрела на нее с отвращением. Неужели и она, Мадленка Соболевская, станет такой же, как эта подлиза? Дух противоречия разыграл в Мадленке.

– Сестра Урсула... – вкрадчиво шепнула она.

– А?

– У вас платье задралось. – И Мадленка ущипнула ее за ногу, чтобы не задавалась.

Сестра Урсула возмущенно выпучила глаза от такой неслыханной выходки, но Мадленка уже забыла о ее присутствии. Она отвернулась и вдыхала полной

грудью весенний воздух.

- Господи, как хорошо! – вырвалось у нее.

Небо было так изумительно сине, как может быть только небо в мае. Солнышко светило вовсю, и Мадленка блаженствовала в его золотых лучах. Дождь, ветер, хмурые сивобрюхие тучи, толпящиеся до самого горизонта, – все это было не для нее, она обожала тепло, обожала видеть, как расцветает обновленная природа. Путешествовать тоже было чудесно – так восхитительно постоянное перемещение под надежной охраной, когда знаешь, что с тобой не может случиться ничего неприятного, и даже если соскочит ось, ее мигом починят. Мадленка не замечала ни ухабов, ни рытвин; когда возок подскочил на каком-то повороте и Мадленку бросило на спутниц, она лишь засмеялась. За всю свою жизнь она только два раза покидала пределы родных Каменок, и сегодня как раз был тот самый второй раз. Давным-давно, когда ей было лет десять, дед свозил ее в Краков, тогдашнюю столицу королевства Польского. Ах, Краков! Столько домов, и всюду, куда ни кинь взор, крыши, крыши, крыши, а людей там еще больше, чем домов, и даже есть самая настоящая мостовая. Увидит ли она Краков когда-нибудь еще? При одной мысли о прекрасном городе у Мадленки начинало щемить в сердце, словно он был принцем ее мечты, и она шумно вздохнула.

- Что вздыхаешь, как больная корова? – спросил ее брат.

Мадленка хотела было ответить ему подобающим образом, но тут ее внимание в который раз отвлеклось.

- Смотрите, дрозд! – взвизгнула она.

И впрямь, на придорожном дереве сидел черный дрозд с желтым клювом, выглядевший сущим щеголем. Мадленка радостно засмеялась и захлопала в ладоши. Настоятельница посмотрела на птицу, слегка приподняв левый угол рта и вскинув одну бровь, сестра Урсула озадаченно озиралась, не понимая, что тут такого особенного. Дрозд неодобрительно покосился на Мадленку глазом-бусинкой, фыркнул на своем дроздином языке: «Дурочка девочка!» – и, вспорхнув, растворился в солнечном свете.

- Улетел, – объявила Мадленка. – Как жаль!

– Значит, ты любишь птиц? – спросила мать Евлалия.

Мадленка застенчиво потупилась: в словах настоятельницы не было ничего особенного, но снисходительный тон вопроса неприятно задел девушку.

– Да, – выдавила она из себя, неожиданно утратив интерес к окружающему.

– Вот и прекрасно, – одобрила ее настоятельница. – Определим тебя на птичник. – И подобие улыбки тронуло ее узкие бледные губы.

Мадленка позеленела. Ее, дочь потомственного шляхтича, – на птичник! Девушка кинула быстрый взгляд на Урсулу, и ей почудилось, что ненавистная монашка ухмыляется. Вот мерзкая проныра! И Мадленка, воспользовавшись очередным ухабом, изловчилась пнуть ее носком туфли по щиколотке. Так ей и надо, нечего радоваться, когда другим плохо.

– Из дроздов Марыся такие пироги готовит – пальчики оближешь, – прогудел Михал мечтательно, и Мадленка сердито засопела.

Настоятельница, сложив на коленях руки и полуприкрыв глаза (мешал бывший в них солнечный свет), внимательно наблюдала за своей новой подопечной. «Слишком живая девочка... но со временем это пройдет. Трудно с ней будет справиться, конечно, зато с такими одно хорошо: разок приструнишь их, и дальше все идет как по маслу». Настоятельница про себя улыбнулась своим мыслям. Ей было пятьдесят три года, и у нее имелся обширный опыт укрощения человеческих душ. Она всегда знала, когда следует действовать лаской, а когда – таской, и умела безошибочно применять оба метода. Мадленка забавляла ее, и она позволяла покамест глупышке резвиться, отлично зная, что вскоре от ее бездумной веселости не останется и следа, – по крайней мере, она, мать Евлалия, об этом позаботится. Впрочем, ей было даже немного жаль девочку – ведь совсем не красавица, попросту дурнушка, чего определенно не осознает. И понятно, почему родители захотели от нее избавиться. Волосы у Мадленки рыжие и прямые, курносый нос заодно торчит вверх, в золотистых глазах, обрамленных светлыми ресницами, прыгают чертики... Непонятно почему, Урсула тоже улыбается, прикрыв рот рукой (ей удалось вернуть Мадленке пинок на предыдущем буераке, что привело последнюю в совершенный восторг), и мать-настоятельница послала монашке строгий взгляд. Еще не хватало, чтобы новая послушница, неотесанная девчонка, перепортила ее вышколенных

подопечных.

- Ты сегодня читала Библию? - осведомилась мать Евлалия у егозы.

Мадленка недовольно наморщила нос. Она как раз обсуждала с Михалом животрепещущий вопрос, на которой из их знакомых тот женится, когда придет срок.

- Нет.

- Тогда читай, - приказала мать-настоятельница, подавая ей свой собственный томик.

Мадленка с отчаянием покосилась на брата. Повозки медленно двигались по лесу, огибая бесконечный овраг, владения Соболевских остались позади. Михал приосанился и оглянулся, и Мадленка прекрасно поняла, что это значит. Господи, ведь она никогда его больше не увидит. За что, за что такое наказание?

- Наверное, мне пора, - неловко сказал Михал.

Мадленка умоляюще посмотрела на мать Евлалию, и столько было в этом взгляде тоски, что сердце суровой настоятельницы смягчилось. Она сделала знак остановиться.

- Можете проститься, - сказала она. - А потом твой брат должен возвращаться.

Путаясь ногами в подоле, Мадленка кое-как выбралась из возка. Михал смотрел на нее с высоты своего чалого и молчал. Мадленка прошла несколько шагов, по-прежнему сжимая в руках Библию. В горле у нее стоял ком, она не знала, что сказать и с чего вообще начать.

- Ну, вот... - начала она.

- Да, - обрадованно подхватил брат.

– Да. – Надо было решиться. – Ну, прощай, Михал, братец. Господь с тобой, береги себя.

– Пусть он тебя тоже хранит, сестрица.

Она хотела его обнять на прощание, и он даже наклонился к ней с седла, и в этот-то момент все и произошло. Крики людей смешались с конским ржанием, лес ожил и наполнился незнакомыми всадниками, и они неслись на караван с непостижимой быстротой, потрясая обнаженными клинками. Мадленка видела, как хозяйка привстала на месте с перекошенным не то от гнева, не то от изумления лицом, – но тут плохо объезженный конь Михала, испугавшись, взметнулся на дыбы и заслонил возок. Мадленка проворно отскочила в сторону, но конь все же задел ее грудью; она замерла на краю оврага, неловко взмахнула руками, однако не удержала равновесия и кубырем покатила вниз по откосу, выронив книгу. Все быстрее и быстрее, все ниже и ниже – огромное поваленное дерево на дне оврага несло на нее, и, когда она наконец достигла его, с размаху ударившись о ствол, нелепое кувыркание прекратилось. Вокруг Мадленки, лежащей навзничь с раскинутыми руками, воцарилась гулкая, ничем не потревоженная тишина.

Глава 2,

в которой Мадленка остается совсем одна

В лесу сгустились сумерки, а Мадленка все лежала на том же месте, не подавая признаков жизни.

Большая красивая коричневая бабочка села на неподвижную руку девушки, зябко затрепетала крылышками с голубыми глазками, взмыла в воздух, покружила и вновь опустилась, на сей раз на щеку Мадленки. Тогда она впервые пошевелилась, издав невнятный стон. Бабочка бесшумно вспорхнула и улетела прочь.

Мадленка открыла глаза и почувствовала, что ей неудобно лежать, что ей холодно, она устала, совершенно разбита и... и... И, кстати говоря, что вообще

она тут делает?

Глаза Мадленки ощупывали ветви дерева, нависшего над оврагом. Почему-то она сразу же сообразила: это клен, что, по правде говоря, ее успокоило. Мадленка любила клены, их звездчатые листья и зеленоватые цветы, не похожие ни на какие другие.

Повернув голову, Мадленка увидела рядом с собой ствол упавшего дерева. По коре его весело бежали черные муравьи. Девушка охнула и приподнялась. В ушах зазвенело, но она пересилила себя и кое-как села на земле. Лицо было мокрое, Мадленка поднесла пальцы ко лбу и, отдернув руку от боли, обнаружила на них кровь.

Тут ее зашатало так сильно, что она едва снова не рухнула навзничь. Сидя, попыталась опереться левой ладонью о землю, но от столь простого движения ее пронзила такая боль, что Мадленка закричала. Разодрав рукав зубами и ногтями, девушка осмотрела руку и пришла к выводу, что та, скорее всего, не сломана, а просто вывихнута. Рыжеватые пряди волос в беспорядке свешивались на лицо, и Мадленка никак не могла отвести их назад.

- Боже... боже... - простонала она несколько раз.

Клен зашумел листвой. Муравьи все так же деловито сновали по старому стволу.

Мадленка рывком вскочила на ноги и, шатаясь, простояла так несколько мгновений. В шее, когда она резко дернула головой, что-то хрустнуло, но в целом девушка чувствовала себя приемлемо. Ноги, похоже, были целы, позвоночник - тоже, но ребра с правой стороны сильно ныли, и каждый вдох отдавался болью. Вдобавок ее мучило, и перед глазами то и дело повисала траурная пелена.

- Михал! - слабо крикнула Мадленка. - Кто-нибудь!

В десятке шагов от нее показался здоровенный - с пол-локтя величиной - серый еж. Сопя, он полз на Мадленку, тыкаясь носом в землю.

- Христиане! - крикнула Мадленка громче и увереннее. - Мать Евлалия! Эй!

Еж фыркнул, с опаской поглядел на ее растрепанную фигуру и пустился наутек – только шуршали под лапками прошлогодние палые листья.

– Ежик, милый... – простонала Мадленка. Но тот уже скрылся, и леденящее душу одиночество со всех сторон обступило ее.

Мадленке хотелось плакать, но она стиснула зубы, тыльной стороной руки стерла кровь с лица и на подкашивающихся ногах, зигзагами пошла вперед. В глазах порой становилось совсем темно, хотя ночь еще не наступила. Высоко в кронах деревьев переговаривались птицы.

Мадленка наконец сообразила, что движется не туда, куда надо. Следовало прежде всего выбраться на дорогу, и она, высмотрев местечко поудобнее, стала карабкаться по откосу вверх. Ноги разъезжались, раз или два она чуть не упала, но все же усердие ее было вознаграждено – девушка выбралась-таки наверх и смогла наконец перевести дух.

Оставались сущие пустяки. Мадленка отыскала глазами тот самый клен, решительно двинулась к нему и, как учил дедушка, со всего маху врезалась в дерево вывихнутым плечом. И тут же истошно взвыла, затем, обессилев, сползла по стволу на землю. Пот обильно оросил виски, но своей цели она все же достигла: рука встала на место, в чем она убедилась, подвигав ею туда-сюда. Однако сердце колотилось так ожесточенно, так яростно, что на мгновение Мадленка даже испугалась, закрыла глаза и некоторое время дышала, прислушиваясь к его глухому стуку в груди. Ветерок овеивал ее лицо, и стало немного легче. Разлепив веки, Мадленка с усилием поднялась на ноги.

На дороге никого не было. Ни матери-настоятельницы, ни слуг, ни возниц, ни Михала. Никого. Никого!

Ей пришло в голову, что ее забыли здесь, и тогда ей стало страшно, так страшно, как, наверное, не было еще никогда в жизни, даже когда она в возрасте четырех лет упала в колодец. Но страх скоро прошел – ведь Мадленка знала, что она хорошая, что богу это отлично известно и что именно поэтому он не допустит, чтобы с нею обошлись несправедливо. Значит...

Мадленка не успела ни до чего додуматься. Она увидела в траве коричневый переплет небольшой книжки, узнала Библию матери-настоятельницы, и немного

приободрилась. Подняла книжку, бережно отряхнула ее и, прижав к груди, шагнула на дорогу.

Как и все дороги того времени, это была простая утоптанная колея, и Мадленка, хоть и мало была искушена в подобных делах, без труда узнала следы повозок, груженых ее вещами – обод колеса глубже вдавливался в почву, – и следы возка, более узкого в оси. Земля вокруг была изрыта копытами коней, и неожиданно перед глазами Мадленки предстало видение – клинки, на лезвиях которых играло солнце, и скачущие отовсюду всадники. Она совсем забыла, что на ее спутников напали, а раз так... Наверное, сопровождающие ее люди сумели постоять за себя, но в пылу схватки забыли о ней. Это ничего: они вернуться, обязательно вернуться, ведь она, Магдалена-Мария Соболевская, не какая-нибудь там простая барышня, нет, ее отец – шляхтич, и принадлежит она к благородному и всеми уважаемому роду. Мадленка надменно вскинула голову, так, что шея вновь напомнила о себе болью, и, охнув, схватилась за затылок. Ничего, главное – не терять достоинства, что бы ни произошло. Главное – сохранять присутствие духа.

А что там за пятно такое – красное? рыжее? бурое? – на траве по ту сторону дороги? И в самом деле пятно, не игра теней в летних сумерках. Более того, оно влажное и даже немного поблескивает. Мадленка поколебалась, потом пересекла колею и присела на корточки перед пятном. Нет, она не обманывалась по поводу того, что бы это могло быть, но хорошо бы только знать наверняка, чья это кровь, врага или, может быть, кого-то из своих. Выяснить же можно только одним способом. Мадленка закусил губу, вскочила и, вернувшись на колею, зашагала по следам, оставленным их караваном.

Шагов через шестьдесят повозки съехали с дороги и углубились в лес. Девушка озабоченно нахмурила лоб, но подобрала юбку и пошла по примятой траве. Конечно же, они хотели скрыться от погони, а как же иначе? Правда, дедушка всегда учил, что, когда враг дышит в затылок, первое правило – повозки бросить и пересест на коней, ибо тут уж надо выбирать – либо добро, либо жизнь, ничего не попишешь. Дед Мадленки был самым мудрым человеком, которого она знала, и вряд ли он стал бы говорить зря.

Ветки рябины свешивались почти до самой земли, Мадленка отодвинула их и вышла на небольшую поляну. Заходящее солнце светило сквозь листву, а девушка смотрела, смотрела и боялась вдохнуть. Дятел сухо и звонко затрещал клювом по дереву – она не слышала его. Впрочем, если бы даже над ухом у

Мадленки сейчас выстрелили из пушки, она бы и тогда, быть может, ничего не услышала.

Небольшая поляна была полна людей... но на ней никого не было. Не было, потому что все люди были мертвы, и солнечный свет не слепил их раскрытые остекленевшие глаза.

Мадленка хотела что-то сказать, но обнаружила, что только бесцельно двигает губами – голос покинул ее, горло выдавало какие-то сдавленные невнятные звуки. Она подошла ближе, желая удостовериться, что это – не сон, не бред. Но люди были там по-прежнему, и по-прежнему, неестественно изогнувшись всем телом, лежал ближе всех к ней возница Тадеуш с раскрытым надвое черепом, таращась на Мадленку своим единственным уцелевшим глазом. А другие? Боже, неужели эта растрепанная старуха, которой перерезали горло, – мать Евлалия? А волосы-то у нее, оказывается, были совсем седые... Вот и Урсула, и ни к чему теперь ее ужимки, вечно опущенные глаза, показное смирение – три раза проткнули Урсулу мечами, и на лице ее застыло выражение детского удивления. Мадленка судорожно всхлипнула, поднесла ладонь ко рту, удерживая готовый вырваться наружу стон. «Урсула, Урсула... А ведь я так обидела тебя тогда, ущипнула, посмеялась над тобой...» Ничего теперь не надо сестре Урсуле.

Ни повозок, ни лошадей, ни волов на поляне не оказалось. Следы указывали, что напавшие, свершив свое черное дело, разъехались в разные стороны, прихватив добычу. Рыдания душили Мадленку. Из-за трех сундуков с платьями да одного с деньгами, посудой и безделушками... и еще одного, где были вещи матери-настоятельницы... да каких-то коней...

– Господи! Господи, за что же?

Она и не заметила, как вновь обрела голос. Ее трясло. Ей подумалось, что надо позвать кого-нибудь на помощь, сказать, что здесь произошло, – и, не помня себя, девушка бросилась через кусты обратно на дорогу, золотившуюся в лучах заходящего солнца. Вдали, на приличном расстоянии, были видны какие-то всадники, и Мадленка бросилась за ними, крича. Но споткнулась и упала, а когда поднялась, всадники уже скрылись из виду.

Мадленка постояла на дороге с выражением крайнего отчаяния на лице, запыленная, окровавленная, грязная. Она ждала, что проедет еще кто-нибудь,

всматривалась в оба конца дороги, тянула шею, но никого не видела. Багровое, как будто оно окунулось в кровь, солнце садилось за оком, и Мадленка, сухо всхлипнув, побрела обратно, к тем, кто оставался на поляне под сенью вязов и рябин.

Мадленка перешагивала через тела, всматривалась в лица, закрывала глаза покойникам и складывала им руки на груди, как велит христианский обычай; некоторых приходилось переворачивать, и поначалу было боязно, а потом – уже не очень. Все те, с кем поутру она отправилась в путь, лежали здесь. И Збышек, слуга Соболевских, таскавший ей когда-то птенцов из гнезд, сам веселый и задорный, как воробышек, – плечо разрублено, рука почти отсечена от тела. И немногословный Болеслав из второй повозки. Силен он был, как бык, но смерть оказалась сильнее. Шестеро детей остались у Болеслава, страшно подумать, что с ними будет теперь. Ну да пан Соболевский – человек добрый, не оставит сирот своей заботой. Слеза скатилась по щеке Мадленки, и жестом, ставшим привычным, она закрыла преданному Болеславу глаза, уже не видевшие ее...

Перед последним телом Мадленка задержалась. По одежде она уже сообразила, что это не Михал, и все же боялась взглянуть. То был Янек (так, кажется, его звали) – слуга настоятельницы. Из рта у него стекали две ровные струйки крови, его, как и прочих, изрубили мечами, но Мадленка закрыла ему глаза с чувством, похожим на облегчение: теперь она точно знала, что Михала не убили, раз его нет среди погибших. Наверное, его увели, чтобы потребовать за него выкуп, и мысленно Мадленка воздала хвалу богу за то, что он пощадил хотя бы ее брата.

Всего было семнадцать убитых: мать Евлалия, сестра Урсула, четверо слуг Соболевских, трое возничих и восемь людей настоятельницы, не сумевших ее уберечь (большинство даже не успело обнажить свои мечи). Ноги не держали Мадленку, и она опустилась на траву; злодеяние, свидетелем коего ей довелось стать, оказалось выше ее сил.

– Езус-Мария... – прошептала девушка.

Мысли ее скакали и путались. То она вспоминала отцовское благословение, то почему-то беззаботную фразу Михала о пирогах с дроздами и то, как смешно он пощипывал свои редкие усики. Мысль о брате – «Михал... Я должна найти его» – придала ей мужества.

Она подняла голову и увидела на другом конце поляны огромный дуб, на который раньше не обратила внимания. что-то было в угрюмом и величавом дереве странное, но Мадленка, у которой до сих пор все плыло перед глазами, никак не могла сообразить, что же именно. Но вот пелена, застилавшая взор, на мгновение спала, и Мадленка сообразила: к дубу привязан человек.

Сделав над собой огромное усилие, девушка поднялась и побрела к нему. Ее заносило из стороны в сторону, однако Мадленка упорно двигалась вперед, и с каждым шагом ей становилось все яснее и яснее, что видит она не человека, а всего лишь тело, бессильно обвисшее на держащих его веревках. Она твердила себе в страхе: «Этого не может быть», и делала еще шаг, еще один шагок... Наконец Мадленка добралась до привязанного и, как подкошенная, рухнула у его ног.

- Михал, - прошептала она. - Михал...

Слезы полились рекой. Она трогала его лицо, уже похолодевшее, гладила его руки, звала по имени, зная, что брат уже не услышит. Его привязали к дереву и использовали как живую мишень: в его теле застряло не меньше дюжины стрел, и еще две или три, пущенные мимо цели, торчали рядом в стволе. Стоя на коленях, Мадленка, путаясь в узлах, развязала веревки, и Михал, окровавленный, мертвый и тяжелый, упал на землю. Она пробовала поднять его, тянула за куртку, хлопала по щекам, все еще надеясь, что бог сотворит чудо и вернет ей ее брата. Потом поняла, что все бесполезно, и тихо заплакала, вновь и вновь повторяя низким, глухим, изменившимся голосом:

- Ох, Михал, Михал... Что же ты?

Но не стало и слез, и долго Мадленка сидела, скорчившись, рядом с телом. Дважды она протягивала руку, чтобы закрыть любимому брату глаза, и дважды отводила ее, но на третий раз решилась. Мадленке стало так плохо, что она подумала - вот сейчас умрет на месте. Но она не могла себе позволить этого, ибо оставалось сделать самое главное.

В лесу, покинутом солнцем, стремительно темнело, но Мадленка знала, что не уйдет отсюда, пока не похоронит по-христиански всех погибших, ибо негоже оставлять их тела на растерзание диким зверям. Потом она приведет сюда ксендза с людьми, чтобы они перенесли останки в другое место. Но это будет

ПОТОМ.

Мадленка взяла меч одного из убитых и стала ковырять им землю – та была твердая и не поддавалась. Тогда Мадленке пришла в голову другая мысль: что, если найти какую-нибудь небольшую ложбину, достаточно широкою, чтобы поместить туда восемнадцать тел? Останется присыпать их землей, а сверху положить еще камней. Прихватив с собой меч, девушка отправилась на поиски. Нечто подобное вскоре нашлось: в полусотне шагов от поляны было русло высохшего ручья, и земля там мягкая – не земля, а сплошной песок. Мадленка воспрянула духом и вернулась на поляну.

Тут в глаза ей бросились стрелы, торчащие из тела Михала, и она невольно призадумалась. Получается, в день Страшного суда, когда все мертвые воскреснут в своем человеческом обличье, брат воспрянет со стрелами в груди, которые убили его? Что он тогда подумает о ней? И Мадленке живо представилось, как Михал корит ее за то, что она не вытащила треклятые стрелы, и, грустно качая головою, говорит:

«Ах, мало же ты дорожила мною, сестра моя Магдалена!»

Мадленка опустилась на колени возле тела и взялась рукой за древко стрелы. Крепко ухватив его, выдернула стрелу из раны. Но оставалось еще много, так много... Она боялась, что у нее не хватит сил извлечь все.

– Господь всемогущий... – прошептала Мадленка, просто чтобы что-то сказать.

– Святой Иоанн, – сказала она, когда была вынута вторая стрела.

– Святой Матфей... Святой Лука... Святой Петр... – Тут она обнаружила, что начисто забыла имена остальных апостолов, и храбро продолжила: – Святая Екатерина... – В лицо ей из раны брызнула кровь, но она не остановилась. – Святая Анна... Богородица, храни нас...

Мадленка заплакала.

– Святая Варвара великомученица... Святая Елизавета... Апостол Андрей... – Оставалась последняя стрела. – Святой Себастьян, – закончила Мадленка

решительно и вырвала стрелу из раны.

Ей казалось, что с места ей не подняться – настолько она была разбита. Но Мадленка по природе была упряма и если что-то задумывала, то непременно добивалась своего.

Следующие три или четыре часа Мадленка перетаскивала тела к высохшему ручью. То мечом, то руками, обломав все ногти и ободрав до крови пальцы, она немного углубила русло в выбранном месте и стала укладывать тела друг на друга, но сначала сняла с Михала рубашку, покрытую еще не засохшей кровью, и отложила ее в сторону. На рубашку она положила веревку, которой тело брата было привязано к дереву, и одну из поразивших его тяжелых стрел с четырехгранным наконечником. Прежде чем уложить в могилу мать-настоятельница, Мадленка долго искала в траве ее четки и, найдя их, вложила в руку умершей, не забыв поправить ей волосы, как умела. У одного из слуг Мадленка позаимствовала штаны, у другого – сапоги, у Збышека – шапку, а с Болеслава сняла куртку, на которой почти не было пятен крови. Все это Мадленка делала потому, что у нее сложился некий план, которому она намерена была следовать. Поскольку женщине разгуливать в одиночестве по лесам, кишасим разбойниками, было отнюдь небезопасно, а ее собственное платье, разодранное и окровавленное, пришло к тому же в полнейшую негодность, Мадленка решила переодеться мальчиком, вернуться домой и потребовать справедливого возмездия для тех, кто убил настоятельница и так жестоко казнил ее родного брата.

При свете луны Мадленка засыпала тела песком, а сверху набросала камней и навалила сломанных веток. Чего-то, однако, не хватало, и только через пару минут уставшую Мадленку осенило, чего именно. Тогда она подобрала две толстые ветки, перевязала их лоскутком от своего платья так, что образовался крест, и водрузила его над могилой.

Совы, сидя на ветках, тревожно ухали, глядя на удивительное зрелище – холм, выросший посреди песчаного русла. Мадленка, стоя с непокрытой головой, подумала, что надо бы прочитать молитву, только она не знала, какую. После небольшой заминки стала читать «Отче наш»:

– Отче наш, иже еси на небеси...

С каждым словом на нее снисходили мир и успокоение. Но когда она дошла до фразы: «...и отпусти нам грехи наши, как мы прощаем врагам нашим», голос ее упал до шепота, девушка запнулась и умолкла. Спазм горя стиснул горло тугой петлей, и волна гнева обожгла ей лицо.

Прощать врагам? Враги – это те, кто напал на них посреди леса, те, кто безвинно убил настоятельницу и расстрелял стрелами потехи ради ее брата. И таких врагов надо прощать? Никогда! И, запрокинув голову, Мадленка закричала, глядя в потемневшее небо:

– Нет! Пусть бог простит их, если сможет, но я – я не смогу! Пусть они умрут, и тогда я прощу их! Пусть они все падут от моей руки! Пусть я буду вечно проклята, если забуду то, что они сделали! Никогда! Никогда! Никогда!

Она умолкла и, вызывающе выставив острый подбородок, постояла, ожидая, что за такие слова Всевышний неминуемо поразит ее молнией. Однако ничего подобного не случилось. Только по листьям деревьев тихо зашелестели первые капли дождя да где-то очень далеко прогремел гром.

Мадленка опомнилась, когда холодные струйки потекли по ее лицу. Она забрала ворох одежды, веревку, Библию, стрелу и меч и, отойдя под дерево, быстро переоделась. На тело она надела рубашку Михала, чтобы помнить, что его кровь взывает к отпущению, кое-как влезла в штаны, которые оказались ей велики, опоясалась веревкой, натянула куртку и сапоги. На голову нахлобучила шапку, меч прицепила слева, как учил дедушка, Библию сунула за пазуху, после чего легла на мох там, где капало меньше всего, и, накрывшись платьем Магдалены Соболевской, моментально уснула.

Глава 3,

в которой происходят всякие невероятные события

Пробудившись на следующее утро, Мадленка обнаружила, что ей очень хочется есть.

Кожа на содранных ладонях болезненно ныла, ныли ушибленные ребра, голова кружилась, желудок сжимался от голода, а сердце – от печали. Вдобавок ночь, проведенная на свежем воздухе, не пошла Мадленке на пользу – она простыла и теперь начала чихать и кашлять.

После дождя в лесу посвежело, и всюду – на листьях, на стеблях, на ветвях – дрожали переливчатые капли. Мадленка потянулась, после чего воздала хвалу богу, что она еще цела и невредима, села на камень и стала размышлять.

Вчера их караван успел отъехать довольно далеко от дома, однако не настолько, чтобы невозможно было вернуться туда пешком. Соображение это чрезвычайно подбодрило Мадленку. Правда, она не была уверена в том, что ей известна обратная дорога – ведь они все же ехали не менее часа и вдобавок несколько раз сворачивали... Но Мадленке так сильно хотелось вернуться домой, что она с ходу отмела последнее соображение как несущественное.

К тому же, раз Михал вчера не пришел обратно, родители наверняка должны были послать на его поиски людей, так что не исключено, что она вскоре встретит на дороге кого-то из своих. Тут Мадленка похолодела, потому что в голову ей пришло нечто совершенно убийственное: хорошо, однако, если это окажутся именно свои; ну а, допустим, ежели она, не приведи бог, наткнется на тех? Она ведь даже не знает, как выглядят ее враги. Дед рассказывал, что разбойники часто притворяются купцами и другими честными людьми. Попробуй-ка раскуси их, окаянных нехристей...

– Да ведь я знаю их! – вскричала Мадленка в возбуждении, широко распахнув глаза. – Они не разбойники! Это крестоносцы!

Ну конечно же! Разве обыкновенные грабители, какими бы жадными до добычи они ни были, стали бы убивать всех, да в придачу привязывать мальчишку к дубу и расстреливать его с такой жестокостью? На такое способны только крестоносцы! А ведь совсем недалеко, в каком-то дне пути отсюда, их замок Торн, а еще выше по течению Вислы ощетилилась башнями в небо их главная резиденция – кровавый замок Мариенбург, он же в просторечии Мальборк. Ведь хоть одиннадцать лет назад и разгромили их несметные полчища при Грюнвальде, псы-рыцари до сих пор держатся здесь, вгрызлись зубами в польскую землю и не отпускают ее. Когда-то были они грозные и несгибаемые, а теперь вроде стали кроткие и уступчивые, не дают повода напасть на себя. Коварны же они, крестоносцы, рыцари ордена Тевтонского! И ничего, кроме

плохого, ни один поляк от них не видел.

– Ладно, – решила Мадленка, – главное – не попадаться им на глаза. А еще лучше – вообще никому, ведь в наше время не знаешь, кто тебе друг, а кто враг.

Последнее выражение принадлежало деду, который частенько повторял его, но Мадленка возгордилась только что произнесенными словами так, словно они были придуманы ею. Тут взгляд ее упал на сооруженный ею курган, вокруг которого крутилось маленькое животное вроде енота, и девушка помрачнела. Шикнула на зверька, который немедленно исчез, нарвала простенький букетик цветов и положила его к подножию креста. После чего, не удержавшись, коснулась камней рукою.

– Прощай, Михал, – сказала она негромко. – И вы все тоже... прощайте и простите меня.

Она сняла шапку и постояла у могильного холма, после чего решительно нахлобучила ее на волосы, подобрала платье, в котором еще вчера щеголяла и от которого остались теперь одни лохмотья, отошла в сторону и зарыла его в мягком песке. Честно говоря, когда Мадленка делала это, ее не отпускал тайный страх, как если бы она хоронила саму себя, но, в конце концов, нельзя же ей разгуливать с девчачьими обносками под мышкой.

– Проклятые крестоносцы! – вырвалось у нее, когда девушка зашагала мимо кустов рябины обратно на дорогу.

Несмотря на все, что произошло с нею вчера и сегодня, Мадленка была спокойна, ибо знала, что надо делать. Кроме того, в прежние времена страдания и лишения не удивляли никого. Смерть и всевозможные бедствия подстерегали человека всюду, и люди смирились с этим. Чума опустошала города, войны длились почти без передышки, и никто, как бы высоко он ни стоял, не мог ручаться за свой завтрашний день. Люди тех времен обладали стойкостью духа, мало нам понятной; они не боялись погибнуть, ибо твердо верили в бессмертие души и уповали на милосердие божества, от которого ничто не укроется – ни дурное, ни хорошее. Жизнь была коротка, и поэтому выходили замуж и женились с тринадцати-четырнадцати лет, пировали допоздна и сражались до старости. Младшие обязаны были повиноваться старшим, низшие – высшим. Живи Мадленка в наше время, она бы, может статься, повредила в уме от

того, что ей довелось пережить; но в те давние года безумие было непозволительной роскошью. Бремя испытаний, выпавшее на его долю, человек должен был переносить с мудростью и кротостью, ибо такова воля Всевышнего. Далеко вперед люди не стремились заглядывать, не стремилась и Мадленка, она только обещала себе, что сделает все, чтобы убийцы брата были наказаны, а в те времена обеты были не пустым звуком.

Пока ей ужасно хотелось есть – и, пройдя немного по дороге в том направлении, где, по ее расчетам, должна была находиться усадьба Соболевских, она вновь нырнула в лес, надеясь отыскать там что-нибудь съедобное. Съедобного было сколько угодно, только оно упорно не желало быть съеденным. Звери при приближении Мадленки прятались или удирали, птицы ехидно поглядывали на нее с веток деревьев, а ягоды и орехи еще не созрели. Мадленка удовольствовалась тем, что попила воды из какой-то лужи (всякое представление о гигиене тогда начисто отсутствовало) и, не найдя ничего лучшего, разорила гнездо не то зяблика, не то жаворонка. Мадленка выпила одно яйцо, но тут вернулись птицы и стали метаться над деревом с такими жалобными криками, что Мадленке стало совестно, и она слезла с дерева, вернув второе яйцо на место. Это, конечно, было глупо, но она просто не могла поступить иначе.

Немного подкрепившись, девушка вернулась на дорогу и пошла по ней, вертя головой по сторонам, чтобы не быть застигнутой врасплох. Чем дальше она шла, тем сильнее колело ее какое-то тревожное чувство. Мадленка хорошо знала, что такое покалывание означает: либо она сделала что-то не то, забыла о чем-то важном, либо допустила непростительную оплошность. А примерно через два часа обнаружила: скорее всего, она движется в направлении, противоположном тому, куда ей, собственно, надо идти.

Тут Мадленка сделала то, чего порядочной девушке делать вовсе не следовало. А именно – замысловато выругалась, помянув не менее десятка святых. И только собралась повернуть обратно, как заметила внизу холма какие-то знамена и всадников в кирасах. Мадленка нырнула в кусты и затаилась там.

Это были воины польского отряда, ехавшего в резиденцию князя Доминика Диковского. Пока Мадленка раздумывала, показаться им на глаза или нет, отряд уехал.

Тогда она, чихая от поднявшейся столбом пыли, вылезла из кустов, поглядела на дорогу и решила, что, пожалуй, сэкономит время, двинув напрямик через лес. Кроме того – и это было самым существенным доводом в пользу принятого решения, – в лесу, если хорошенько поискать, все же найдется что поесть.

И Мадленку понесло через чащу, где оказалось так темно от сомкнувшихся над головой крон деревьев, что почти ничего не было видно. Потом она пересекла вброд узкий ручеек, не забыв утолить жажду, и пошла через тихие и светлые поляны, где росли березы и еще какие-то деревья, названий которых девушка не знала.

Ветви кустов цеплялись за ее одежду, мох проваливался под ногами, Мадленка фыркала и сопела, как разъяренная мышь, но все же неуклонно продвигалась вперед. Ей попались еще два гнезда с яйцами, которые она истребила, то есть опустошила гнезда, выпив яйца. Лес упорно не желал кончаться, проклятая дорога как сквозь землю провалилась, и еще через некоторое время Мадленка потеряла всякое представление о том, где находится.

Она жалела о том мгновении, когда ей пришло в голову вернуться в лес, и была близка к тому, чтобы пожалеть, что вообще родилась на свет. В одном месте ей попались два лежащих на земле человеческих скелета, от которых не осталось ничего, кроме желтоватых костей и обрывков одежды. Мадленка, как положено, перекрестилась, но обошла их с содроганием. Смерть от голода или усталости ей вовсе не улыбалась, она должна была жить, чтобы отомстить за брата и своих спутников. Впереди замаячили кусты, увешанные ягодами, и Мадленка подошла поближе, не веря своим глазам. Малина, а не волчья ягода или какая-нибудь еще несъедобная дрянь! Настоящая малина, почти спелая. Душа Мадленки возликовала. Она побежала к кустам – и неожиданно замерла на одной ноге, боясьдохнуть.

В малиннике находился медведь. Он был огромный, матерый, и от него невыносимо воняло. Неторопливо поворачиваясь на своих мощных лапах, он с чавканьем объедал ветки. Медведь не видел Мадленку – на ее счастье, стоял к ней спиной, – но она-то отлично его видела, и этого было достаточно, чтобы все колокола тревоги взвыли в набат в ее голове. Мадленка часто ходила со старшими на охоту и отлично знала, какой медведь непредсказуемый зверь и какой у него тонкий нюх. Стоит ветру подуть с ее стороны, и она пропала, причем пропала навсегда.

Мадленка судорожно сглотнула слюну и, мысленно послав горячую молитву святым угодникам, сделала шаг назад. Медведь не обращал на нее ни малейшего внимания, по-прежнему с урчанием объедая ветки. Мадленка сделала еще шаг. Сучок под ногой предательски треснул, но медведь и ухом не повел. Он хрюкнул, прихлопнул лапой назойливую муху и продолжал свою трапезу. Тут Мадленка услышала совсем близко от себя чье-то сопение – и, оглянувшись, увидела большого лобастого медвежонка. Встав на задние лапы, он с любопытством оглядывал ее.

Мадленка зажмурилась. Медведь оказался медведицей, и все приключение выходило так, что хуже не придумаешь. А медвежонок, паршивец, опустился на все четыре лапы, подскочил к Мадленке и боднул ее головой в ляжку.

Мадленка рухнула на траву и, шипя на звереныша, стала на руках отползать от него. Медвежонок обрадовался – игра ему явно нравилась – и, подскочив к Мадленке, боднул ее снова. Мадленка прижалась спиной к дереву и почувствовала, что рубашка на ее теле стала мокрой от пота.

Конечно, при ней был меч и она могла бы запросто прирезать неугомонного детеныша, только как потом уйти от разъяренной медведицы – вот в чем вопрос. И Мадленка не шевелилась, только хрюкнула по-медвежьи.

Медведица в малиннике проревела что-то неразборчивое, но этого оказалось достаточно, чтобы медвежонок развернулся и побежал к ней. Когда он исчез за кустом, Мадленка вскочила на ноги и что есть духу побежала прочь.

Она мчалась, не разбирая дороги, перепрыгивая через ямы. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди, дыхание со свистом вырывалось изо рта, но девушка бежала, пока не почувствовала, что находится вне опасности.

Прислонившись к тополю, Мадленка пыталась отдышаться и никак не могла. Потом почти без сил повалилась на мох... и неожиданно увидела за деревьями узкую полосу дороги. Мадленка понятия не имела, что это за дорога и куда она ее выведет, но одно ее появление показалось девушке чудом. Она встала и побрела, держась одной рукой за бок, а другую предусмотрительно положив на рукоять меча.

«Если меня спросят, то я – Михал, – решила она. – Михал, а не Мадленка. Так и скажу».

Спрашивать, однако, было решительно некому, ибо дорога была пуста, как казна нерадивого короля.

Всякому, кто путешествовал по нашей грешной земле, отлично известно: любая дорога хороша тем, что по ней можно двигаться в обе стороны. Хочешь – иди в одном направлении, а хочешь – в совсем противоположном. Для Мадленки же это представляло определенное неудобство, ибо она совершенно не знала, куда именно ей следует идти. То есть она, конечно, знала, куда хотела попасть, но, согласитесь, хотеть и знать, как желаемого достигнуть, – абсолютно разные вещи.

Мадленка поглядела налево – там дорога сбегала с холма и терялась из виду, поглядела направо – то же самое, разве что склон был более пологим, но справа еще стояла красивая яблоня, усеянная нежно-розовыми лепестками цветов. Мадленка любила яблоки, поэтому она пошла направо.

Подчеркиваю: Мадленка пошла направо, потому что там стояла яблоня. Ей и в голову не могло прийти то, что произойдет через каких-то несколько минут, и свой выбор она сделала чисто машинально.

Через несколько минут...

(Ага, благосклонный читатель, вы больше не дремлете? Вы уже не зеваете и не говорите себе, что автор мог бы быстрее управиться, если бы не заставлял свою героиню на протяжении целой главы без толку мотаться по лесу, где валяются какие-то скелеты; что он, то есть автор, попросту тянет время, самым бесцеремонным образом испытывая ваше терпение, – ведь вы уже купили книжку, и было бы жалко теперь так просто от нее оторваться, не узнав, чем дело закончится. Однако стоит ему, то есть автору, подпустить многозначительный намек, и вы, благосклонный читатель, изнываете от нетерпения. Вы гадаете, что ждет Мадленку на следующей странице: отряд недругов? два медведя? королевич неопикуемой красоты? Что ж, не буду вас томить.)

...Итак, через несколько минут Мадленка вышла на перекресток, откуда расходились четыре дороги. Немного в стороне от них стоял большой, грубо сработанный деревянный крест, врытый в землю, а под ним сидели двое: мужчина и женщина. На женщине было любимое платье Мадленки из синего аксамита[2 - Аксамит – старинный плотный узорчатый бархат.] – да, да, то самое, из ее собственного заветного сундука.

Глава 4,

в которой происходят события, еще более невероятные

Сказать, что Мадленка удивилась, значит ничего не сказать.

Она потеряла дар речи, приросла к месту, остолбенела, окаменела, оторопела. От ярости, гнева, возмущения у нее перехватило дух, в глазах запрыгали кровавые бесенята. Мысленно она уже изрубилась двух разбойников в окрошку, и они, хрипя, ползали у ее ног, вымаливая прощение. Нет, какова наглость, крещеные христиане! Убить – убить подло, жестоко, вероломно восемнадцать человек – и среди бела дня щеголять в ворованной одежде! Этому не было названия ни в одном из языков, которые знала Мадленка.

Те двое у креста, похоже, ничуть не смутились, завидев ее, а мужчина даже сделал рукой что-то вроде приглашающего жеста. Стиснув зубы, Мадленка приблизилась. Ее мучил вопрос: начать ли убивать негодяев сразу или сначала все-таки задать несколько вопросов? Но у мужчины поперек колен лежал короткий меч, и Мадленка решила пока с казнью обождать.

Во-первых, ее ждало разочарование, ибо предположения не подтвердились. Мужчина перед ней вовсе не был рыцарем-крестоносцем. Достаточно было взглянуть на его одежду, чтобы безошибочно определить, кем он является: обыкновенным бродягой лет сорока или около того. Нос бродяги был перебит, во рту спереди не хватало половины зубов, и все же, несмотря на это, он постоянно ухмылялся. Мадленка настороженно посмотрела ему в глаза – глаза как глаза, темные и блестящие, словом, ничего особенного. Женщина, напялившая на себя Мадленкино платье, отчего оно разошлось по швам, тоже была немолодая, грузная, с испытанным лицом. Рядом с ней стоял пузатый кувшин с вином.

«Убью обоих супостатов», – решила Мадленка, сопя носом. Любимого платья было до слез жалко, но людей, которым она своими руками вырыла вчера могилу, жалко вдвойне, втройне.

– Эй, хлопец! – крикнул щербатый. – Ты куда идешь? Заворачивай сюда!

Мадленка растянула губы, изображая улыбку. Меч на коленях супостата ей не нравился – но ведь, в конце концов, она тоже была вооружена.

– День добрый, христиане, – просипела она. В горле что-то словно застряло, и оттого слова выходили с трудом.

– Это уж точно, – подтвердил бродяга. – А, Марта?

Он толкнул свою спутницу плечом, и женщина визгливо засмеялась. Она схватила кувшин вина, запрокинула голову, припала к горлышку и сделала большой глоток. (Мадленка все не отрывала глаз от платья.)

– Ты кто таков? – деловито осведомился бродяга.

– Я – Михал, – сообщила Мадленка. Бродяга вопросительно вздернул брови, показывая, что имя ему ни о чем не говорит. – Я из монастыря сбежал, – вдохновенно соврала Мадленка. Взгляд у бродяги был цепкий и очень пронзительный – он, пожалуй, понравился ей еще меньше, чем обоюдоострый меч.

– Что, плохо кормили? – посочувствовал бродяга.

– Голодом морили, – тут же нашлась Мадленка. – А вы кто?

Прикусила язык, да было поздно. Однако бродяга ничего особенного в вопросе не усмотрел.

– Известно кто – нищие, – горько сказал он. – Это вот Марта, женка моя. Невенчанная, – зачем-то гордо сообщил он.

- А, - пробормотала Мадленка.

- Ты садись, чего стоять, - сказал бродяга. - Пешком небось весь путь шел?

Мадленка села на камень и почесала нос. Разговор принимал какой-то совершенно будничным оборот, что ей до жути не нравилось.

- А вы откуда знаете? - спросила она с сомнением.

- Я ведь тоже монах беглый, Михал. А звать меня брат Иоанн.

Мадленка криво улыбнулась. Ну-ну, знаю я, как тебя зовут, тать несчастный. И жизнь твоя на острие моего клинка будет.

- И хорошо нынче подают? - спросила она, косясь на платье. (Женщина сделала еще глоток, пролила вино, и на нежной ткани появились темные пятнышки.) - Экая материя-то хорошая.

- А с платьем вообще смешно вышло, братец, - оживился бродяга. (Мадленка так вся и позеленела от его обращения.) - Представляешь, вон в той ложбине я повозку нашел. Разбитая вся, опрокинутая, да и, видно, наши там уже похозяйничали. Только и осталось, что барахло. Но все равно, Марте радость. Там на самом дне еще два платья лежали, она и их забрала, не пропадать же добру.

- П...повозка? - заикаясь, пробормотала Мадленка. - Где?

- Вон там, - сказал бродяга, пожимая плечами, и рукой махнул. - Чудно, да? А обновы знатные, прямо княжеские. Дорогие платья, в таких у нас в монастырь к обедне знатные дамочки, - он грязно выругался, - шастали. У меня глаз наметанный, я дешевку за версту чую.

Мадленка побледнела. Дело оборачивалось совсем иначе, чем ей думалось вначале. Разумеется, перед ней бродяга, нищий, возможно, и вор, но предположить, что он был одним из тех организованных и хорошо вооруженных всадников, что окружили давеча их караван, - нет, немисливо. Все-таки, значит, крестоносцы нагадили. Но повозка тут при чем? Как она-то здесь очутилась?

– А чьи здесь владения? – спросила она внезапно. – Я имею в виду, земля. Чья она?

Бродяга усмехнулся, откинулся назад, привалился головой к кресту, поглаживая рукоять меча.

– Чья? А пес его знает. Может, князя Доминика, а может, немцев этих бешеных. Выпить не хочешь?

Мадленка поднялась.

– Нет, спасибо, – сказала она. И, поколебавшись, добавила: – Ты не против, если я взгляну на повозку? Просто любопытно.

– Да сколько хочешь, – равнодушно ответил бродяга.

Все было в точности, как он сказал: опрокинутая и разбитая повозка лежала в стороне от дороги. На ней, как хорошо помнила Мадленка, везли два сундука, набитые платьями, а в одном еще была и серебряная посуда. Сундуки с открытыми крышками зияли пустотой. Мадленка обратила внимание, что там, где сидел возница, темнеет пятно крови.

Она зажмурилась, чтобы легче было сосредоточиться, и сжала руками виски. Итак, отряд всадников – человек двадцать, не меньше – нападает на...

И тут Мадленка вздрогнула. Нет, они не просто напали. Они сидели в засаде, выбрав достаточно удобное и уединенное место, и ждали. Ждали именно их. А когда караван остановился, чтобы Мадленка могла без помех проститься с братом, нанесли удар.

Они перебили людей – часть прямо на месте, ибо Мадленка видела там кровь, а часть на той поляне – и убрали с дороги тела. Возможно, Михал пытался ускользнуть или отчаянно сопротивлялся – Мадленка знала, что он никогда не сдался бы без боя, – и враги поймали его и расстреляли, привязав к дубу. Так, потехи ради.

Обычно разбойники после нападения делят добычу и расходятся. А эти почему-то бросили добычу. Нет, тут что-то не так.

Платье, которое нацепила на себя грязная толстая попрошайка, было расшито мелким жемчугом и стоило целое состояние. Ни один уважающий себя разбойник не оставил бы его, особенно если учесть, сколько христианских душ из-за него было загублено. Допустить же, что разбойники догадались устроить засаду по всем правилам воинского искусства, но оказались настолько глупы, чтобы не распознать ценности награбленного, Мадленка отказывалась категорически.

Возможно, впрочем, что бродяга соврал. Вероятно, он был заодно с татями, и те отдали ему часть добычи в награду, скажем, за прошлые услуги. Значит, он просто морочил Мадленке голову.

Да, но рассказ его был вполне правдоподобным, и повозка стояла именно там, где он указал. Однако стоп, барышня Соболевская! Да, повозка здесь. Ну и что? Зачем, в конце концов, разбойникам какая-то повозка? Тот мужчина мог сам помочь столкнуть ее с дороги, оттого и знал, где она. Тогда зачем он вообще упомянул про повозку? Наверху пронзительно заверещала какая-то птица, и Мадленка недовольно дернулась и открыла глаза. Может, догадался, что его подозревают?

Мадленка наморщила нос. Нет, в его поведении и облике не было ничего фальшивого, ничего настороженного. Она, сама не зная как, с детства могла безошибочно определить по интонации голоса, лжет человек или говорит правду. Мадленка была убеждена, что никто в целом свете не умеет лгать – все либо переигрывают, либо недоигрывают, – и ей, например, ничего не стоило уличить воровку-служанку в том, что именно она украла ее гребень. Бродяга, сидевший у креста, был побит жизнью и, скорее всего, не отличался особой добродетелью, однако, когда он рассказывал о своей находке, в его голосе звучали искренняя радость и гордость своей удачливостью. Все это определенно ставило Мадленку в тупик.

Если разбойники напали на караван ради добычи (а из-за чего же еще?), то почему они ее бросили? Или им помешали? Скажем, тот польский отряд, при появлении которого она вчера спряталась в кусты на обочине. И потом, волеы, тащившие повозку, где они? Кто их увел – разбойники или те, кто разбойников обнаружил? Были ли нападавшие крестоносцами или кем-то еще? Ох, как все

сложно, как запутано...

Надо вернуться и порасспрашивать бродягу, решила Мадленка. Похоже, он человек неглупый и в своем роде толковый, может, сообщит ей еще что-нибудь полезное или просто заслуживающее внимания. Надо будет выведать у него побольше о его находке, только осторожно – не хотелось бы, чтобы он что-нибудь стал подозревать.

Мадленка в последний раз поглядела на повозку, вздохнула и выбралась на дорогу. Тут-то уж точно не заблудишься. Вон крест, а вон и две фигуры под ним. Хорошо, что бродяги никуда не ушли.

Мадленка махнула им рукой, но никто из бродяг не пошевелинулся. Она ускорила шаг, подыскивая слова, чтобы завязать нужный разговор, но, когда подошла к кресту ближе, все слова вылетели у нее из головы.

Бродяга полулежал у подножия креста, упершись затылком в камень. Горло его было перерезано, и кровь вытекала толчками. Женщина, страшно выкатив глаза, стояла неподвижно в шаге от него. Стрела пробила ей шею насквозь, пригвоздив несчастную к горизонтальной планке креста. У ног нищенки лежал разбитый кувшин, а на дороге удалялось облачко пыли.

Глава 5,

в которой не происходит почти ничего

К вечеру этого дня Мадленка решила, что она проклята.

Доказательства? Извольте: стоило матери-настоятельнице, добрейшей женщине, прокатиться с ней, и мать Евлалия умерла, равно как и все сопровождающие; сама же она, Мадленка окаянная, цела и невредима. Встретила двух бродяг, которые, похоже, что-то знали о случившемся, только поговорила с ними – и нет уже бродяг, отлетели их души.

Относительно бродяг, впрочем, дело несколько прояснилось, когда Мадленка удосужилась взглянуть на следы, оставшиеся на дороге. Мимо проезжали два всадника, один из них секанул бродягу, другой убил женщину из самострела, и убийцы ускакали. Мадленка даже бросилась бежать за ними, но куда ей было угнаться за двумя лошадьми! Удалось лишь разглядеть: одна лошадь серая, другая, кажется, караковая, темно-гнедая с подпалинами, а на всадниках широкие плащи или что-то вроде того.

Мадленка вернулась на перекресток, придерживая рукой бок, в котором бешено колело, и задумалась. Четыре дороги расстилались перед ней, и все четыре были открыты. Можно было двинуться туда, куда ускакали всадники, и, может статься, это что-нибудь ей дало. Можно было идти обратно к яблоне, при одной мысли о которой у Мадленки становилось отчего-то горько во рту, а можно было послать яблоню к черту и выбрать прямо противоположное направление.

Больше всего Мадленке хотелось домой, но она была совершенно не уверена в том, что хоть одна из лежащих перед ней дорог приведет ее в Каменки. Однако надо же было куда-то идти...

Мадленка отвергла направление, в котором ускакали всадники, по соображениям безопасности, а яблоню – из возникшей антипатии. Однако ей стало любопытно, откуда всадники вообще взялись, и, подумав немного, девушка решила двигаться туда, откуда они прибыли.

Путь вышел, прямо скажем, довольно невразумительный. Примерно через полтора часа проклятая дорога разделилась надвое, и пришлось снова думать, что делать, а когда Мадленка созрела для принятия решения, ее едва не раздавила какая-то богато украшенная карета, промчавшаяся в окружении верховых с алебардами. Мадленка показала карете язык и назло ей двинулась налево, но через некоторое время опять оказалась на развилке. (От себя добавлю, что если бы она проследовала за каретой и у дерева, сожженного молнией, свернула бы вправо, то вскоре наткнулась бы на одного из слуг, посланных на поиски ее брата, и к вечеру была бы уже дома. К сожалению, Мадленка ничего этого не знала.)

Отказавшись от дальнейшей борьбы с чертовой дорогой, девушка свернула в лес, нашла ручей, напилась воды, поела земляники и забралась в дупло, где собралась переночевать. В дупле было темно и остро пахло гнилью, а желудок бурчал, бунтовал и всячески выказывал неповиновение. Именно тогда Мадленку

осенило, что она проклята. Она немножко поплакала, помолилась, полистала Библию, испещренную пометками покойной матери Евлалии, но разобраться что-либо в таком освещении было невозможно, и наконец Мадленка попросту заснула. Но спала плохо и помнила, что ночью к ней в дупло заглянула летучая мышь, почему-то висевшая в воздухе вниз головой. Девушка ничуть не испугалась, шикнула на мышь, прогоняя ее, устроилась поудобнее, а стрела, взятая на память, все царапала бок, и снова уснула.

Проснулась Мадленка оттого, что ломило все тело. Охая и кряхтя, выбралась из дупла, вознесла положенные молитвы и отправилась на поиски пищи.

Скажем сразу же: ничего не нашла, и поэтому, когда Мадленка вернулась на дорогу, все ее мысли крутились вокруг сочного куска мяса на вертеле. Если бы в тот миг к ней явился старый шутник-дьявол и предложил отдать душу взамен хорошего обеда, она вряд ли бы послала его туда, где ему положено быть, то есть к черту. Бедная Мадленка до того оголодала, что даже мирно зеленеющая трава напоминала ей о пище. «Боже, отчего я не лошадь? – сетовала она. – Пощипала бы травки – и все, брюхо наполнено. Господи, как хочется есть! Аж сердце замирает».

Мадленка была так поглощена своими неутешительными мыслями, что не заметила, как вышла к месту недавнего побоища – здесь был разбит отряд крестоносцев.

Сначала Мадленка увидела воина в белом плаще, неподвижно лежавшего поперек дороги в луже крови, потом – мертвую лошадь и другую, вороную, с хребтом, перебитым ударом палицы. Теперь Мадленка точно уверилась в том, что ей не везет. Всюду, куда бы она ни шла, ей попадались только трупы, хотя в последнем случае это, пожалуй, только к лучшему, ибо будь крестоносцы живы, Мадленка бы с ними нипочем не справилась. Поэтому она в душе поблагодарила бога за то, что он хранит ее, как прежде, и не дает ей погибнуть среди опасностей странного и страшного мира.

Отряд крестоносцев был небольшой, и они не дали застигнуть себя врасплох, сражались храбро. Бой произошел совсем недавно, ибо на мечех еще не застыла кровь. Земля вокруг оказалась вся изрыта, и Мадленка решила, что нападавших было больше, по крайней мере, раза в два, а то и в три, что определенно не делало им чести.

Трое или четверо рыцарей остались на дороге, где они упали, сраженные врагами, еще один в темных доспехах лежал, привалившись к старому дереву, чьи гигантские корни, как змеи, вылезали из земли, двое были сражены на обочине. На груди у одного из павших сидела ворона, но при появлении Мадленки птица хрипло каркнула, снялась с места и улетела.

– Езус-Мария, – пробормотала Мадленка, механически снимая шапку.

Она перевела взор и заметила у своих ног какую-то пеструю тряпку на древке. Мадленка сообразила, что это, должно быть, знамя, и ее охватило любопытство. Она никогда не видела, как выглядит хоругвь крестоносцев, а тут представился такой случай, перед которым трудно было устоять. Мадленка обошла полотнище и расправила его, чтобы удобнее было смотреть. Вороная лошадь с перебитым хребтом жалобно заржала, и Мадленка шарахнулась, споткнулась о труп рыцаря и неловко свалилась чуть ли не на него.

– Господи! – выкрикнула она вне себя.

Лошадь снова заржала, косясь на нее глазом, полным безумной боли. Это было великолепное, с лоснящейся шерстью животное, с маленьким ромбовидным пятнышком во лбу. Несчастливая не могла двигаться, только бессильно перебирала передними ногами, лежа на боку, и из глаз ее катились крупные слезы.

– О, бедная, – пролепетала Мадленка, в которой страдания бессловесных зверей всегда пробуждали невыразимо тягостное чувство, – бедная лошадь! Но ничего, ничего... погоди, сейчас.

Она оглянулась, ища самострел или лук, чтобы прекратить муку безвинного животного. Лошадь тяжело дышала, бока ее раздувались. Мадленка вытащила из руки мертвого солдата самострел, вложила стрелу, повернулась к лошади, прицелилась и выстрелила.

Та всхрапнула и забилась в агонии, которая вскоре прекратилась. Мадленке, однако, стало так тошно, так плохо, что она отшвырнула самострел, упала на колени, уткнулась лицом в морду лошади и разрыдалась.

Но, устыдившись своей слабости, вскоре поднялась и, вспомнив, что хотела взглянуть на знамя, вернулась к нему. Это было довольно необычное знамя – голубое, с черным равноконечным крестом Тевтонского ордена слева, желтым кругом справа и горделивой надписью затейливыми алыми буквами, вьющимися понизу: «Omnia radiis meis collustro».

У Мадленки даже слезы высохли, когда она увидела этот высокомерный, хвастливый девиз.

– Ничего себе! – возмутилась она. – «Все озаряю своими лучами»! Ну и наглость!

Тут она помрачнела. А ну как именно эти рыцари, равняющие себя с солнцем, и были теми, кто напал на них в лесу? Разумеется, поскольку крестоносцы уже мертвы, это не имело принципиального значения, разве что для Мадленки. Она просто обязана была знать наверняка.

Пересилив себя, Мадленка стала осматривать рыцарей, обращая особое внимание на находившееся при них оружие. Было бы естественно, если бы именно крестоносцы, и так запятнавшие себя всевозможными темными делами, оказались виною ее несчастий и сами подпали под удар, однако торжество Мадленки оказалось преждевременным. Увы, в самом главном пункте ее ждало разочарование: ни одна стрела даже отдаленно не походила на те, что принесли смерть ее брату, более того – ни один арбалет не подходил для тяжелой стрелы вроде той, которую Мадленка, как мы помним, на всякий случай прихватила с собой. Зато ее терпение было вознаграждено совершенно необычным образом: в сумке, притороченной к седлу одной из убитых лошадей, Мадленка обнаружила каравай хлеба, испеченного, судя по всему, этим утром, и флягу с вином. Мадленка аж засмеялась от восторга и потерла руки. Вид пищи возбудил в ней самые приятные мысли.

Оставалось осмотреть только одного воина – того, что лежал у дерева, – и Мадленка, отбросив всякие сомнения, двинулась к нему. Впрочем, она видела, что ни стрел, ни арбалета при нем не было, меч же лежал примерно в шаге от тела. Непокрытая голова рыцаря свесилась на грудь, и на ней зияли две раны; чрезвычайно светлые, почти белые, коротко стриженные волосы слиплись от крови, роскошный шлем валялся в пыли. В боку крестоносца торчала стрела, насквозь пробившая латы с выгравированным на них солнцем. Судя по всему, это был командир отряда, и, конечно же, он был мертв – человек просто не мог выжить после подобных ранений. Стоя над рыцарем, Мадленка повела такую

речь, обращаясь, разумеется, не к нему, а к себе самой:

– Ничего не понимаю. Как ни крути, но все равно получается, что стрелы не те, а если не те, то... Значит, ты тут ни при чем и твои люди тоже. Но это мог быть и другой отряд крестоносцев, вот в чем штука. И зачем они побросали платья? Загадка! Одно аксамитовое с жемчугами целого состояния стоило. – Тут Мадленка малость приувеличила, хотя в общем была права. – И при чем тут бродяги? За что их убивать? Или...

Мадленка остолбенела. Рыцарь неторопливо разлепил черные ресницы, поднял голову и взглянул ей прямо в лицо снизу вверх спокойным и слегка отчужденным взглядом. У него были синие глаза, ярко-синие, Мадленка даже не подозревала, что такие глаза могут быть у человека. В них словно заблудилось небо, и Мадленка, открыв рот, засмотрелась в них. На мгновение она совершенно забылась, но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы рыцарь извернулся всем телом, как змея, и с непостижимой для умирающего резвостью кинулся к своему мечу.

Однако отдадим должное реакции Мадленки – в следующую секунду девушка наступила рыцарю на руку, а другой ногой отшвырнула меч подальше. Однако крестоносец, похоже, не собирался сдаваться. Он выдернул руку и выхватил из-за пояса длинный острый кинжал – мизерикордию, которой обычно добивали раненых (замечу, что название оружия происходит от латинского слова «милосердие»). Это было достаточно грозное оружие, и его клинок запросто мог пронзить Мадленку насквозь. Прежде, однако, чем крестоносец успел воспользоваться своей мизерикордией, девушка без особого ожесточения ткнула его кулаком в раненую грудь. Рыцарь захлебнулся в безмолвном крике боли и обмяк. Мадленка подобрала мизерикордию, отметила про себя, что на рукояти тоже выгравировано солнце, окруженное лучами, спрятала кинжал за пояс и, убедившись, что другого оружия поблизости не имеется, осуждающе поглядела на рыцаря. Синеглазый молчал и не подавал признаков жизни. Мадленка осторожно толкнула его носком сапога – он не шевелился.

– Вот гад! – со всей непосредственностью выразила свои мысли вслух девушка, отчего-то чувствуя себя совершенно несчастной. Абсолютно не к месту ей вспомнилось выражение древнего поэта Горация: «Варваров синеокая орда» из его «Эподов». И она тут же сердито фыркнула. Какие варвары, какой Гораций? Желудок сводит от голода.

Мадленка подобрала сумку с едой, затем, убедившись, что прочие покойники не проявляют пагубного стремления восстать из мертвых, уселась на камень напротив синеглазого, чтобы не пропустить момент, когда тот очнется, и с жадностью вонзила зубы в хлеб, с наслаждением вдыхая аромат, который Мадленка любила больше всего на свете, – аромат свежей выпечки.

– Экий знатный хлеб, – рассуждала Мадленка с набитым ртом, – сразу видать, что немецкий. Наш мельник, подлец, какой только дряни в муку не сует. – Она выпила глоток вина из фляги и скривилась. – А вот вино дрянное! Неважнецкое, прямо скажем, вино. Не вино, а кислятина. – Она перехватила взгляд рыцаря, пришедшего в себя, и едва не поперхнулась. – Э... э... Добрый день, любезный господин, – продолжала она уже по-немецки, не переставая есть. – Хотя для кого-то он не был таким добрым, как я погляжу.

...Рыцарь молчал, а мысли его были печальны. Больше всего на свете он боялся мгновения, когда останется беззащитным и беспомощным перед лицом дерзкого и уверенного в себе врага, которого придется просить о последней милости, и вот этот момент наступил. Крестоносец не проронил ни слова, оглядывая диковинно одетого юношу, с завидным аппетитом истребляющего припасы оруженосца Генриха. Так вот он, оказывается, каков – человек, которого небо послало восторжествовать над ним, бывшим когда-то лучшим из лучших. Мальчишка, зубоскал, рыжий, невзрачный, уши оттопыриваются, космы свисают ниже плеч, а глаза жалкие, воровские глаза, бегающие. И при мысли, что такому ничтожному созданию суждено покончить с ним, Боэмундом фон Мейссеном, крестоносец почувствовал, как гнев и обида закипают в его груди. Он прикрыл глаза, но слушать торжествующее чавканье нелепого мальчишки было еще невыносимее, и тогда рыцарь снова поднял сумрачный взор на своего противника.

Мадленка постаралась побыстрее проглотить все, что было у нее во рту, едва не подавившись.

– Хочешь есть? – без обиняков спросила она. От такого пристального взгляда и правда немудрено подавиться, кусок поперек горла встанет, подумалось ей. – Ну, не хочешь, как хочешь.

– Верни мне кинжал, – неожиданно сказал рыцарь.

– Чтобы ты меня зарезал? – фыркнула Мадленка. – Благодарю покорно, я не такой дурак.

Раненый закусил губу и прислонился затылком к дереву. Надо же, думала Мадленка, волосы светлые-светлые, а брови черные, и небольшая борода, окаймляющая овал лица, – тоже. Линия яркого рта красивая, как у нашего причетника, года три назад умершего от чумы, и нос прямой, греческий. Ладный молодец, но наверняка сволочь, потому что крестоносец, а хуже крестоносца и вообразить себе трудно.

– Вор, – холодно произнес рыцарь.

– Может быть, – неожиданно легко согласилась Мадленка, подумав. – А ты, если я не ошибаюсь, солнце? Не чересчур ли для тебя?

– Я – комтур Боэмунд фон Мейссен, – спокойно проговорил синеглазый. – Это был мой отряд.

– Вижу, – отозвалась Мадленка, делая еще глоток из фляги. – Спасибо за хлеб и вино.

– Я тот, кто сжег Белый замок, – продолжил рыцарь, и глаза его сверкнули.

Мадленка скривилась и поковыряла ногтем указательного пальца в зубах. Хлеб и впрямь был чудо как хорош.

– Меня твои подвиги не волнуют, – заявила она. – Скажи-ка лучше, случаем не твои люди третьего дня напали на настоятельницу монастыря Святой Клары, мать Евлалию?

– На мать Евлалию? – удивился рыцарь. – Кузину покойной королевы Ядвиги?

Настал черед Мадленки удивиться.

– Вот как? А я и не знал. Так не ты убил ее и ее сопровождающих?

– Нет, – слабо качнул головой рыцарь, – не я.

– Ладно, поверю, – мрачно заметила Мадленка. – Скажи, куда ведет эта дорога?

– Эта дорога, – усмехнувшись, заговорил рыцарь, – ведет в славную крепость Мариенбург, которую вы, жалкие люди, называете Мальборком.

– А, черт! – вырвалось у Мадленки. Для любого поляка той поры слова «Мальборк» и «смерть» значили примерно одно и то же. – Ты не врешь? А на другом конце что?

– Замок князя Доминика Диковского, – нехотя сообщил рыцарь.

– И что ты там забыл? – спросила Мадленка неприязненно. – Ведь ты вроде туда ехал?

– Я вез выкуп за Филибера де Ланже, – объяснил рыцарь, – но подлые поляки напали на нас из засады. Лучше мне было умереть, чем снести такой позор!

От подобной наглости у Мадленки захватило дух. Всем полякам было отлично известно, что именно крестоносцы всегда норовят ударить в спину, а вовсе не благородные польские шляхтичи. И нате вам, какой-то недобитый немецкий рыцарь осмеливается утверждать обратное! Но, поглядев в синие глаза, Мадленка немного смягчилась.

– Да, не повезло тебе, – осторожно сказала она. – И другу твоему не повезло.

– Верно. Я, кстати, должен тебя поблагодарить.

Мадленка наморщила нос. Тон ее собеседника безотчетно не нравился ей.

– За что? – сердито спросила она.

– Ведь ты избавил мою лошадь от страданий. Я хотел сам добить ее, но не смог.

– А... – Мадленка мотнула головой и почесала за ухом. – Так тот вороной был твоим?

- Да.

- Мне очень жаль, - искренне сказала Мадленка. - Прекрасное животное было, просто чудо!

Впервые за то время, что они разговаривали, рыцарь позволил себе подобие улыбки.

- Рад, что ты это оценил, юноша. А теперь тебе придется добить меня.

Кожа на скулах Мадленки натянулась, и она метнула на раненого косой взгляд. От деда она усвоила, что добивать раненого врага постыдно и бесчестно, а безоружного - тем более.

- Нет, - коротко сказала Мадленка. - Я не могу. Прости.

- А обворовывать умирающего можешь? - резко спросил рыцарь, и глаза его потемнели.

- Клинок - всего лишь железо, - нехотя молвила Мадленка и, подумав, добавила: - А жизнь дается от бога. Как я могу?..

Наступило долгое молчание.

- Пожалуйста, убей меня, - тихо попросил рыцарь, нарушив тяжелую тишину. - Ты только избавишь меня от ненужных мучений. - И добавил с жесткой усмешкой: - Я бы наверняка оказал тебе эту услугу.

Мадленка вспыхнула, вскочила с камня, схватив самострел, и замерла. Потом отшвырнула оружие и снова опустилась на камень.

- Не искушай меня, рыцарь, - хрипло сказала она. - Недавно я своими руками вырыл могилу самому близкому мне человеку, и теперь меня не так легко испугать.

- Хорошо, - спокойно сказал крестоносец, - если ты такой трус, - он презрительно подчеркнул голосом слово «трус», - вытащи стрелу, что застряла у

меня в бок, чтобы я мог умереть. Поверь, я буду вечно тебе благодарен за это, юноша.

Мадленка побледнела – ей живо вспомнилось, как она извлекала стрелы из тела своего брата. Однако в глазах рыцаря застыла такая мольба, перед которой трудно было устоять. В конце концов, он прав: лучше всего ему умереть.

– Хорошо, я выдерну стрелу, – кивнула Мадленка и подошла к нему. – Только не надо меня благодарить. И убери руку.

Губы рыцаря шевельнулись. Он прошептал что-то вроде: «господь мой...» – и умолк. Мадленка, нахмутив брови, села на землю, упершись ногами, и схватилась за древко стрелы. Оно было мокрое от крови, и Мадленка определила, что острие глубоко застряло в теле.

– Что ж, рыцарь, – сказала она, – я сделаю это, но только потому, что ты сам захотел. Так что не обессудь.

– Вытащи стрелу, – приказал крестоносец одними губами.

– Как тебе будет угодно, – спокойно сказала Мадленка. И с силой рванула древко.

Кровь ручьем хлынула из раны, рыцарь как-то странно всхлипнул и откинулся назад. Струйка крови побежала из его рта. Он закрыл глаза и стал валиться на бок.

Мадленка поднялась, совершенно ошеломленная. В руках она держала в точности такую же стрелу, как те, что убили ее брата.

Глава 6,

в которой происходит еще меньше

Это был ключ к отгадке, и он наконец-то оказался у нее в руках. Впрочем, для пущей ясности ключу кое-чего недоставало – а именно того, кто в настоящий момент корчился у ее ног.

Мадленка приняла решение моментально. Она бросилась к остаткам хлеба, выдрала мякиш и стала озираться вокруг, ища какое-нибудь целебное растение. Поблизости не оказалось ничего, кроме самого обыкновенного подорожника, но и этого было достаточно. Девушка в спешке накрошила листьев подорожника, смешала их с мякишем и, перевернув синеглазого на спину, стала спешно залеплять его раны. Увы, таков был уровень современной ей медицины (кто читал «Огнем и мечом» Сенкевича, наверняка вспомнит, как раны тамошнего витязя лечили, заталкивая в них хлеб, намятый и вовсе с паутиною).

– Эй, – говорила она, исполняя свою нелегкую работу, – ты, как тебя там, звезда морей, воин солнца, не смей умирать! Мне еще порасспросить тебя надо...

Кровь перестала течь, однако рыцарь не двигался. Мадленка подождала немного, приложила ухо к груди крестоносца, но ее прикрывали доспехи, и черта с два разберешь, бьется под ними что-нибудь или нет. Мадленка потрогала рыцаря за щеку – щека была теплая, даже горячая. Она встряхнула его руку, уловила у запястья слабое биение и обрадовалась.

– Я молодец! – объявила она, ибо больше похвалить ее было некому.

Но прошло немало времени, прежде чем рыцарь снова открыл глаза и посмотрел вокруг себя безучастным взором. Когда же он увидел возле себя ненавистного рыжего отрока, весело скалившего зубы, на лице рыцаря отразилось такое бешенство, смешанное с отчаянием, что Мадленка испугалась. Раненый приподнял голову и посмотрел на рану на боку, забитую мякишем, после чего негромко и выразительно стал крыть своего благодетеля и спасителя последними словами, которые одинаковы во все решительно эпохи.

– И ни к чему так отчаиваться, – заявила Мадленка, когда рыцарь умолк и, подавившись кровью, закашлялся. – Смерть твоя впереди, и, может статься, до заката ты не доживешь, так что зря убиваешься, поверь мне.

– Значит, ты решил взять выкуп! – процедил сквозь зубы синеглазый, когда перестал кашлять.

- Выкуп? – растерялась Мадленка. – Какой, к дьяволу, выкуп?

- Я же сказал, я уничтожил Белый замок, – угрюмо сказал крестоносец.

- И что мне с этого? – вне себя вскричала Мадленка. – Что ты этим хочешь сказать?

- Я истребил всех его жителей, – продолжал рыцарь ровно. – Всех, – подчеркнул он, – даже детей и стариков.

- Да? – сухо сказала Мадленка. – Не хотел бы я иметь тебя своим врагом.

- О, – отозвался рыцарь, – смотри-ка, а ты не так уж глуп. Тем не менее многие мечтают сжечь меня живьем, например воевода Лисневский, ведь жена владельца замка была его сестрой. Так что же, ты решил доставить меня к нему?

- Иди ты! – разозлилась Мадленка, едва уразумела, куда он клонит. – Мне от тебя ничего не нужно, понял ты, дурак несчастный? И не нужен мне ни Белый замок, ни воевода Лисневский. Я даже отпущу тебя на все четыре стороны, если ты пожелаешь. Где-то тут поблизости бродит лошадь, наверное, одна из ваших. Я ее поймаю, посажу тебя в седло, и катись ты в свой Мальборк или хоть к самому дьяволу в лапы.

- А ты бы мог получить за меня много денег, – бесстрастно заметил синеглазый. – Очень много.

- Ну да, и будет мне великая честь, что я раненого сдал его врагам, – огрызнулась Мадленка. – Бессовестные вы, рыцари, право, бессовестные, если можете предположить такое!

- Так что тебе от меня нужно? – спросил рыцарь после недолгого молчания.

- Мне нужно знать, – заговорила Мадленка, волнуясь, – кто напал на вас.

– И все? – презрительно поджал губы рыцарь, скривив красный от крови рот. Он сплюнул в сторону и продолжал: – Могу я узнать, отрок, зачем тебе это надо?

– Нет, ну с тобой потеряешь всякое терпение! – вспыхнула Мадленка. – Какая тебе разница, в конце концов? Я пытаюсь спасти тебе жизнь, между прочим!

Однако на синеглазого ее довод не произвел ровным счетом никакого впечатления.

– Я вассал господы, – уронил он холодно, – и более ничей. Я не приемлю благодеяний ни от врагов, ни от друзей.

– Ха! – фыркнула Мадленка. – Плохой же ты друг, однако, если товарища своего готов в беде бросить, когда он ждет, что ты выкуп за него привезешь. Ведь если ты умрешь, умрет и он, разве не так? Ты что, басурман несчастный, этого хочешь?

Щеки рыцаря немного порозовели. Он закрыл глаза, а когда вновь открыл их, Мадленка подивилась сквозившей в них решимости.

– А знаешь, как ни странно, ты прав, – признался он. – Я ведь совсем забыл о нем.

– Ну вот! – обрадовалась Мадленка. – Толку от тебя не добьешься. Говори, кто давеча напал на вас, и ты больше меня не увидишь, обещаю. Захочешь умереть – можешь расковырять рану, я не стану тебе мешать, и бог тебе судья. Ну?

Синеглазый вздохнул.

– Утром на нас напали поляки...

– Уже слышал! – нетерпеливо отозвалась Мадленка. – А кто именно, чей отряд, ты не разглядел?

– Еще как разглядел, – отвечал рыцарь, – это были люди князя Августа Яворского.

– А кто он такой, князь Август? – переспросила Мадленка оторопело.

– Племянник князя Доминика, сын его сводной сестры Гизелы... кажется. Мы защищались, но их было слишком много.

Пораженная Мадленка ударила себя ладонью по лбу. Князь Август, племянник князя Доминика, польский шляхтич – однако же, судя по всему, не счел ниже своей чести ограбить крестоносцев... Нет, не будем торопиться, не будем. Попробуем все начать сначала. Так. Крестоносцы – лжецы, что всем известно. Но этому-то какой смысл лгать? Не мог же он сам в себя всадить стрелу? А стрела, кстати, точь-в-точь такая, как те, ну, те самые, она сама видела.

– Что за дрянь ты засунул в хлеб? – спросил синеглазый, осторожно трогая свою рану.

– Подорожник, – занятая своими мыслями, рассеянно ответила Мадленка. – Очень хорошо заживляет раны.

Нет, крестоносец всей правды никогда не скажет, и на слова его полагаться нельзя. Надо идти к князю Августу, еще надо разыскать кузнеца, который делает такие чудные наконечники. Мадленка взяла в руки стрелу, извлеченную из тела крестоносца, и стала ее разглядывать. Синеглазый смотрел на странного отрока с любопытством, но без прежней ненависти.

– Где князь Август теперь? – спросила сквозь зубы Мадленка.

– У дяди своего Доминика гостит, где же еще?

Интересно, отметила про себя Мадленка. Очень интересно. И то, что у дяди, и то, что рыцарям ордена это отлично известно. Ох, не зря дед говорил, что крестоносцы – лучшие на свете воины и что сражаться на их стороне он почел бы великой честью, кабы сердце не говорило бы ему обратного.

– А своей вотчины у него что, нет?

– Была, – сказал синеглазый коротко. – Но мы ее отвоевали.

Мадленка скользнула по нему взглядом и подумала, что это более чем возможно.

- Странная стрела, – заметила она, вертя ее в руках.

- Carreau, – пробормотал рыцарь.

- Что? – вскинула голову Мадленка.

- Это французское слово, – пояснил синеглазый. – Четырехгранная арбалетная стрела, которая пробивает доспехи. Ты и впрямь намерен меня отпустить?

- Угу, – рассеянно подтвердила Мадленка. – А стрелой тебя кто ранил? Ты не видел?

- Графский кнехт Доброслав, – ответил рыцарь и прибавил по адресу одного кнехта, сиречь оруженосца, несколько нехороших выражений.

Мадленка наморщила нос. То, что говорил синеглазый, ей не нравилось, ох как не нравилось. Получалось, что в лесу на них напали свои. И свои же, поляки то есть, убили Михала. Не обязательно князь Август, но кто-то из его окружения, пользующийся такими же стрелами. Как-то нехорошо и нескладно выходило все...

- А ты не мог ошибиться? – спросила Мадленка. – Может, и не князь Август вовсе напал на твой отряд, а кто-то другой?

Бозмунд фон Мейссен усмехнулся такой неприятной улыбкой, что Мадленка осеклась.

- Нет, – твердо сказал он, – это был молодой Август. Я своих врагов хорошо знаю и ни с кем бы его не спутал.

Значит, все-таки придется начать с князя Августа. Если стрелы и впрямь его и если он и в самом деле не побоялся ради денег напасть на крестоносцев, более чем вероятно, что именно он позавчера подстерег их караван, польстившись на богатства Мадленки. И тогда... да хранит князя Августа бог, потому что она убьет его, и пусть с ней делают потом, что хотят. Только бы знать наверняка, он ли виновен или кто-то другой.

- Ладно, я еще проверю, - продолжала размышлять Мадленка, не замечая, что говорит вслух. - Ты мне все сказал? - обратилась она к крестоносцу. - Ничего не утаил?

- Ничего.

- Поклянись.

- Не буду, - буркнул крестоносец и поглядел Мадленке в глаза.

- Ну и пес с тобой, - легко согласилась девушка. - Сиди здесь, я коня приведу.

- Это конь брата Герхарда, он тебе не дастся, - заметил синеглазый, морщась от боли в боку.

Мадленка выпрямилась и снисходительно поглядела на него сверху вниз.

- Не хочется мне тебя разочаровывать, рыцарь, но умом ты совсем не вышел. Меня все лошади любят.

Крестоносец ничего не ответил и закрыл глаза. Мадленка свистнула по-особому и нырнула в кусты, на слух определив, где именно рядом бродит оставшаяся без седока лошадь.

Раненый выжидал некоторое время, собираясь с силами, а потом попробовал дотянуться до своего меча, который поблескивал в траве метрах в четырех от него. Стиснув зубы, пополз туда и почти ухватился за острие, расположенное ближе к нему, когда вернулась Мадленка, ведя в поводу великолепного серого в яблоках коня. Она укоризненно посмотрела на рыцаря, прищелкнула языком и покачала головой. Синеглазый смирился и лег, прижавшись щекой к протянутой к мечу руке.

- Не-ет, правду говорят наши: нельзя доверять крестоносцам, - заявила Мадленка. - Вот тебе лошадь.

Рыцарь повернулся, оперся о валун и сел. Лицо его было очень бледно, пот градом катился по лбу.

- И ты меня отпустишь? - недоверчиво спросил он. - Просто так?

- А на которой ляд ты мне дался? - вежливо спросила Мадленка.

- Может быть, однажды ты пожалеешь о своем поступке, - заметил рыцарь задумчиво.

- Пф, - презрительно фыркнула Мадленка. - Не хочу тебя обижать, потому что грех обижать умирающего, но для вассала господа в тебе слишком мало смирения. - На скулах рыцаря проступили желваки. Он сглотнул слюну, но ничего не сказал. - Я же не прошу вечно поминать меня в твоих молитвах, комтур! - ехидно добавила она.

Мадленке пришлось помочь раненому подняться с земли, однако тяжелее всего оказалось для Боэмунда фон Мейссена попасть в стремя - ему удалось сделать это только с третьей попытки. Увидев его в седле, Мадленка сразу же почувствовала облегчение. Зла на него она не держала и не видела причин, почему бы ему желать ей зла. В конце концов, она даже оставила ему лошадь, хотя у нее самой ноги дьявольски болели.

- Мое знамя, - потребовал рыцарь. - И меч. И верни мне мой кинжал.

- Ни меча, ни кинжала не получишь, - уперлась Мадленка, - сам знаешь почему. - Она подобрала хоругвь и отвязала ее от древка. - А знамя держи.

- До Торна далеко, - настаивал синеглазый, - меня могут убить в дороге. - Он даже унизился почти до мольбы: - Я крестоносец, юноша, я не могу без меча.

Мадленка пожала плечами.

- Если тебя убьют, рыцарь, значит, такова твоя судьба. И, кроме того, не думаю, что тебе при твоих ранах удастся воспользоваться мечом. Послушай лучше моего совета: сними свой дурацкий белый плащ с черным крестом и надень его подкладкой кверху, никто тебя и не тронет.

Из последующих слов рыцаря, весьма энергичных, Мадленка заключила, что он очень хотел бы видеть ее там, где она желала бы оказаться в последнюю

очередь. Не слушая больше крестоносца, Мадленка спрятала стрелу, подобрала сумку с остатками еды и зашагала по дороге туда, где должны были располагаться владения князя Доминика.

Мадленка не успела сделать и десяти шагов, когда услышала окрик:

- Эй!

Обернувшись, она увидела все того же раненого рыцаря, сидевшего на серой в яблоках лошади. Надо признать, что на боевом скакуне он смотрелся гораздо выигрышнее, чем в луже крови на земле. Мадленке показалось даже, что он внял ее совету и перевернул плащ изнанкой кверху.

- Я же сказал, что не приемлю благодарений! - крикнул рыцарь.

- И что это значит? - заорала Мадленка.

- Чтоб ты сдох от чумы! - крикнул синеглазый. - Имей в виду, что, если ты когда-нибудь мне попадешься, я велю повесить тебя за горло!

(Замечу, что это было весьма существенное уточнение, ибо в описываемую эпоху были распространены также способы подвешивания за ноги, за волосы и даже, pardon - ну да, вы, конечно же, сообразительней меня, - за половые органы.)

Поскольку синеглазый успел порядком надоесть Мадленке своей мелочностью и она уже узнала от него все, что хотела знать, моя героиня ни секунды не колебалась с ответом.

- Чтоб ты сдох от проказы! - заорала она во всю силу своих легких. - Если ты мне попадешься, то я не стану даже тратить время на то, чтобы плюнуть тебе в лицо!

И, повернувшись спиной к Боэмунду фон Мейссену, двинулась прочь.

Глава 7,

в которой приводятся весьма любопытные соображения насчет истинного и ложного богатства

Дорога становилась все шире и шире, другие дороги вливались в нее, и Мадленка, убежденная в правильности избранного ею направления, шла прямо, никуда не сворачивая. Мало-помалу стали попадаться люди; двое стариков-нищих, к которым она обратилась, подтвердили, что этот путь точно приведет ее в замок князя Доминика Диковского. Нищие, видимо принявшие шустрого рыжего мальчишку за своего, посоветовали ему изобразить увечье или измазаться грязью, если он и впрямь желает пожить в замке, ибо князь, хоть и богат несметно, денег за так не подает. Мадленка учтиво поблагодарила за ценные сведения и отправилась дальше.

Отнюдь не все, кто ей встречался, были так просты в обращении, как те убеленные сединами, все потерявшие в набег татар кроткие старики. Однажды Мадленку едва не прибили пьяные крестьяне, а в другой раз какие-то бродяги попытались отнять у нее сумку с едой. Но Мадленка выхватила из рукава мизерикордию и рукоятку ударила обидчика – маленького кривоногого человечка – в глаз. Бродяга взвыл, а Мадленка пустилась бежать со всех ног, и с той поры на всех, кто приближался к ней, глядела исподлобья – дескать, не тронь, а то зарежу. Когда к ней обращались с расспросами, она коротко отвечала, что ее имя Михал и она бежала из монастыря от жестокого обращения, что почему-то никого не удивляло.

Словом, Мадленка не сомневалась, что ей удастся без особых приключений добраться до князя и поведать ему всю правду без утайки, если бы не ноги, которые невыносимо ныли. Не раз и не два она последними словами честила крестоносца и проклинала свое легкомыслие за то, что поддавалась порыву жалости и отдала раненому лошадь, которая могла бы ей самой пригодиться, а рыцарю теперь все равно без надобности, ибо он наверняка уже преставился от ран и лежит где-то на дороге, став добычей для воронья. Что такое, в сущности, человек без лошади? Да ничто. Пешими разгуливали только нищие да убогие; у любого крестьянина, даже самого захудалого, была своя кляча, а она, Магдалена Соболевская, единственно по неразумию осталась на своих двоих. А ведь как помогла бы ей та серая в яблоках лошадь!

«Ну да ладно, – сурово обратилась к самой себе Мадленка, – плачь не плачь, сказал палач, теперь все едино. Да и нечего жалеть о добром деле – так всегда

дедушка говорил, а дедушка всегда был прав».

Пурпурное солнце половиной своего диска завалилось за окоем, окрасив облака багрянцем. Мадленка, сидя на обочине (ну просто уже никакой не было возможности двигаться дальше!), допила вино и решила, что умрет здесь, но не сойдет с места. В полной безысходности она помолилась Всевышнему, чтобы он дал ей мужества ради Михала, убиенного безвинно, и ради престарелых родителей, пребывающих в Каменках. Солнце зашло, и почти сразу же стало совсем темно. Мадленка вздохнула, сунула пустую сумку под голову, проверила мизерикордию (с нею было куда легче управляться, чем с громоздким мечом), свернулась калачиком и заснула.

А проснулась оттого, что, во-первых, было уже совсем светло и, во-вторых, что-то неприятно щекотало в носу. Мадленка чихнула, перевернулась на бок и смутно услышала чей-то громкий хохот.

Первым побуждением Мадленки было немедленно подняться и навесить шутникам затрещин, но по ряду причин она остереглась это сделать. Муж благоразумный, вычитала Мадленка в какой-то старинной затрепанной книжке, действует по велению рассудка, а чувства оставляет на потом. Судя по хохоту, ее обступило никак не меньше пяти-шести человек, а Мадленка вовсе не считала себя Голиафом. Чуть приоткрыв один глаз, она увидела щегольские сапоги и, чуть выше, польские мечи в ножнах, что ее насторожило и успокоило одновременно. Однако то, что над ней смеялись, пришлось ей так не по душе, что она решила отбить у шутников охоту скалить зубы над собою. Поэтому Мадленка притворилась, будто еще спит, но когда рука с травинкой, давеча щекотавшей ее, приблизилась снова, резво вскочила на ноги, крепко вцепилась в своего оскорбителя и замахнулась на него кинжалом.

– Кровь Христова! – взвыл оскорбитель, пытаясь вырваться.

Это был светловолосый, совсем молодой парень довольно приятной наружности, с вздернутым носом, усыпанным веснушками, широко расставленными светлыми глазами и щеками, покрытыми пушком. Его спутники отпрянули, кое-кто даже схватился за оружие, но Мадленка, довольная произведенным эффектом, уже опустила кинжал и разжала руку, державшую недоросля.

– Кто таков? – сурово спросила она.

– А ты кто? – рассердился тот. – Какое ты имеешь право...

Мадленка не успела ответить, потому что двое или трое человек ринулись на нее со всех сторон, норовя отобрать кинжал. Выходило как-то совсем нечестно, поэтому Мадленка решила дать себе волю – одного полоснула по уху, другого боднула головой в лицо, а третьему, оказавшемуся сильнее и упорнее прочих – он перехватил ее запястье с мизерикордией и стал выворачивать его, – от души вцепилась зубами в руку.

– Полно, Каролек, оставь его! – велел веснушчатый, надрываясь от смеха. – Оставь, говорю тебе!

Каролек отцепился от Мадленки и, невнятно бурча нечто оскорбительное для слуха, отошел зализывать раны. Мадленка сплюнула – во рту стоял противный солоноватый привкус, но она была горда, что сумела постоять за себя.

– Ты с ума сошел! – обратился веснушчатый недоросль к Мадленке. – Зачем ты укусил моего слугу?

– А зачем он на меня полез? – возмутилась Мадленка. – Я, между прочим, польский шляхтич, а не какой-нибудь там оборванец.

– Оно и видно, – проворчал тот, у кого из уха хлестала кровь.

– Видно, что тебя произвели в кардиналы, то-то ты весь в красном, – хихикнула Мадленка. – Не суди по одежде, и не судим будешь!

Недоросль рассмеялся.

– Так как тебя зовут, отважный отрок? – спросил он важно, хотя вряд ли был много старше Мадленки.

– Михал, – отозвалась Мадленка не моргнув глазом, – Михал мое прозвание.

– А дальше как?

– Краковский, – мгновенно сориентировалась Мадленка. Как наверняка помнит благосклонный читатель, Краковом звался любимый город Мадленки.

– И что же ты делаешь на землях благородного князя Доминика? – пытливо продолжал недоросль.

– Дело у меня до него, – без малейших обиняков заявила Мадленка. – Очень важное, о котором князю знать потребно, а кроме меня, сообщить ему некому.

– Де-ело? – недоверчиво протянул тот, кого Мадленка цапнула за руку, как собачонка. – Да ты совсем наглец, юноша, как я погляжу. Неужели ты думаешь, у князя найдется время для того, чтобы принимать всех голодранцев, которые являются к нему со своими жалобами?

Мадленка растерянно захлопала глазами, но тотчас оправилась.

– Что ж, может быть, если судить по-твоему, ты прав. Мое богатство – честное имя и чистая совесть. Ну-ка, скажи, можешь ли ты похвастаться этим, а?

Укушенный потемнел лицом, что косвенно указывало на отсутствие как имени, так и совести.

– А князя я увижу так или иначе, – спокойно добавила Мадленка. – Ему все равно придется узнать, что творится на его землях.

На что укушенный уже ничего не сказал.

– Ладно, поехали с нами, – великодушно разрешил недоросль. – Мы как раз возвращаемся в княжеский замок.

Мадленка вся просияла.

– Очень мудрое решение, ваша милость. Век проживу, не забуду вашей доброты!

– А ты и впрямь шляхтич? – полюбопытствовал юноша, когда они вернулись на дорогу, где их ждали оседланные лошади, которых стерегли несколько верховых. – Не обессудь, но ты не очень-то похож.

Мадленка выпятила колесом грудь.

– Меч ношу, по-латыни, немецкому и флорентийскому языкам разумею. Какие тебе еще нужны доказательства?

– Даже флорентийскому обучен? – хмыкнул светловолосый и поглядел на рыжего спутника не без почтения.

– А то! – уверенно сказала Мадленка.

– А я латыни не люблю, – признался ее собеседник. – Не дается она мне, проклятая. Как услышу какой-нибудь *ablativus*[З - Творительный падеж (лат.)], так прямо скулы сводит.

– Ну ты даешь! – засмеялась Мадленка и хлопнула юношу по плечу, отчего тот даже на месте подскочил. – Но знаешь, что я тебе скажу: не всем дано к языкам разумение, зато есть и другие таланты, ничем не хуже этого. Может, в тебе великий воин скрывается – как знать? У всякого человека свое предназначение есть.

Тут подоспели их спутники, и разгорелся спор по поводу того, куда Мадленке деваться. Лишней лошади у разъезда – а Мадленка уже поняла, что на нее наткнулся разъезд князя Доминика, – не было, а уступить свою никто не желал, она же уперлась и заявила, что пешком не пойдет ни за какие коврижки. Вмешался недоросль, велел укушенному Каролеку освободить лошадь для «знатного шляхтича». Каролек повиновался с хмурым видом.

– Чтоб ты свернул себе шею, – сказал он тихо и отчетливо, когда Мадленка поднималась в седло.

– А тебе всего, что ты ближним своим желаешь! – ответствовала Мадленка, и кавалькада, за которой следовал пеший слуга, некрупной рысью поскакала к замку князей Диковских.

Глава 8,

в которой Мадленка оказывается в затруднительном положении

Дорогой Мадленка разговаривала с новым знакомым. Хоть он и был моложе своих сопровождающих, по почтению, какое ему оказывалось, было видно, что он над ними главный, и поэтому Мадленка решила, что для ее целей будет полезнее, если именно он введет ее к князю, а не кто другой.

Она узнала, что князь Доминик не первой молодости (ему уже тридцать два), весьма любим своими подданными, уважаем шляхтой, крестоносцам внушает трепет, строг, но справедлив чрезвычайно. Последнее обстоятельство в особенности внушило Мадленке надежду. Три года назад князь овдовел – жена его умерла в родах; недавно он собрался было жениться снова и даже сватов послал, да тут скончалась его мать, высокородная княгиня Эльжбета. Случилось это в самом начале марта, и двор до сих пор соблюдает траур. К матери князь был привязан чрезвычайно, ведь отец его давно умер, и княгине пришлось растить сына одной. Женщины краше и благочестивее ее было не сыскать в целом свете... Слыша, какими словами ее расписывает недоросль, Мадленка даже тихо вздохнула от зависти. Интересно, что будут говорить о ней самой, когда она умрет? Точно что не красавица; пожалуй, что благочестива, добра к людям и животным – хотя про последнее вряд ли кто упомянет. И сгинет она бесследно, и только всевидящий бог один будет помнить, что когда-то существовала такая рыжая Мадленка на белом свете.

– А про что ты хочешь с князем говорить? – полюбопытствовал ее спутник, когда про самого Доминика уже все было сказано.

Девушка метнула на юношу короткий взгляд.

– Есть одно дело, – многозначительно произнесла она. – Не обижайся, но я только князю имею право сказать, и никому более. Так уж получилось.

– Если про то нападение крестоносцев, то ты опоздал, – заметил собеседник лже-Михала.

– Нападение? Крестоносцев? – поразилась Мадленка. – Ты про что?

– Да страшное дело, – вмешался один из верховых, – князь из-за него сон и покой потерял. Убили настоятельницу монастыря Святой Клары, мать Евлалию и много другого народу, добро похитили и сбежали. Теперь они, почитай что, в Торне, а то и самом Мальборке укрылись. Звери, не люди.

В голове у Мадленки происходило нечто неопишное.

– Мать Евлалию? Крестоносцы? – заикаясь, пролепетала она. – А откуда это известно?

– А они не всех убили, – отвечал все тот же усатый верховой с подвижным лицом. – Уцелела одна девушка, бог ее спас. Помочь другим она не смогла, зато все видела, а вчера явилась к князю и все ему рассказала. Князь разослал повсюду дозоры, проверить, не появятся ли где крестоносцы, – верховой припечатал их выразительным словом. – Ну вот мы и отправились, а на обратном пути тебя у дороги увидели, ты чисто как мертвый лежал. Ан нет, оказалось, живехонек.

Усатый продолжал говорить, но Мадленка уже не слушала его. «Уцелела одна девушка. Одна девушка... Господи, не может быть. Кроме меня, в караване была еще только Урсула. Но я же сама, своими руками похоронила ее. Не может быть».

– А как звали девушку? – быстро спросила Мадленка. – Ну, ту, что все видела?

Мужчина наморщил лоб.

– Магдалена. Мадленка Соболевская, вот как. Она должна была вступить в монастырь, вот настоятельница и забрала ее с собой. Только она одна и уцелела.

Все поплыло перед глазами Мадленки. Она посерела лицом и крепко вцепилась в луку седла.

– Магдалена Соболевская! – вырвалось у нее в отчаянии.

– Точно так, – отозвался усатый. – Вчера она добралась до нас еле живая. Двор гудит, шляхта негодует, все верх дном. Хотят в Краков к самому королю послать,

просить, чтобы разрешил воевать с немцами. Неслыханное дело!

Да уж, точно.

«А может, они шутят? – мелькнула в мозгу Мадленки спасительная мысль. – Узнали, что я вовсе не Михал, что я Мадленка, и шутят. Да, это шутка, это...» Но она поглядела в лицо верховому, поглядела на серьезный профиль юноши, ехавшего бок о бок с ней. Нет, не похоже, не шутят. Тогда что? Что? Что?
«Господи, дай мне сил».

– А хлопец-то побледнел даже, – молвил собеседник участливо, поглядев в лицо сникшей Мадленке.

– Ужасное злодеяние, – молвила Мадленка, еле ворочая языком. – Мать Евлалия... я слышал о ней...

– Да, – подхватил другой (тот, кого Мадленка боднула лбом в лицо), – мы тоже хорошо ее знали. Она же совсем недавно гостила у князя, с матерью его рядом была, когда та умирала. Упокой, господи, ее душу... – И всадник набожно перекрестился.

«Но я? Мне-то что делать? – думала бедная Мадленка. – Кто я? Где я?»

От таких мыслей впору было сойти с ума.

– Значит, крестоносцы... – пробормотала она.

– Да. Панна Соболевская их очень хорошо разглядела. Налетели тучей, перебили всех и умчались.

– А князь что говорит?

– Что? Что крестоносцам плохо будет. Попался нам тут недавно один, без пропускного свидетельства ехал. Князь за него выкуп затребовал, да, видно, зря. Казнить его надо было прилюдно, чтобы прочим неповадно было, так я считаю.

Но ведь крестоносцы тут ни при чем! Мадленка это хорошо знает!

Девушка встряхнулась – подъезжали к замку, и она внезапно ощутила прилив сил. «Все это ложь. Паутина лжи, детище лукавого. Но я разорву ее. Во имя всего, что мне дорого! И бог не оставит меня. Не для того он провел меня сюда через кровь близких и смертельные опасности».

Мадленка спешила во дворе, и подбежавший слуга вмиг принял лошадь.

– Эй, Михал! – крикнул веснушчатый. – Далеко не уходи, я доложу о тебе князю и скажу, когда он сможет тебя видеть.

– Благодарствую... – чинно ответствовала Мадленка. Потом, спохватившись, продолжала: – Простите великодушно, запомнил ваше имя, любезный господин.

В светлых глазах недоросля мелькнули искорки.

– А ты его и не спрашивал, – отозвался он весело. – Я Август, князь Август Яворский, племянник князя Доминика.

Это было уже слишком. Бедной Мадленке почудилось, что земля уходит у нее из-под ног. Она всплеснула руками и стремительно бросилась бежать, пока не скрылась за углом.

– Эк живот-то схватило у бедняги, – посочувствовал усатый верховой.

Глава 9,

в которой Мадленка лакомится пирогом

Мужчина не ошибся: целью Мадленки был именно нужник.

Нос (вернее запах) привел лже-Михала к укромной будке, стоявшей в некотором отдалении от жилых строений. Оттуда как раз выходил какой-то паж с физиономией, на которой большими буквами было написано невиданное блаженство. Мадленка юркнула мимо него в заветное убежище и прикрыла дверь.

Сам сортир, то есть, так сказать, его сердце, представляло из себя длинную яму, поперек которой были проложены доски. О том, как здесь пахло, наверное, лучше умолчать. Впрочем, в данную минуту нужник Мадленку не интересовал.

Девушка распустила веревку, поддерживающую штаны вместо пояса, поглядела внутрь и для верности даже пощупала. Она подозревала, что бог сыграл с ней скверную шутку и в отместку за то, что она вопреки естеству переделалась в мужскую одежду, превратил ее в мальчика. Тогда бы хоть как-то объяснилось появление второй панночки Соболевской, которой первая, то есть подлинная Мадленка, попросту перестала быть. Мадленка знала, что в воле божией совершать и не такие чудеса.

К своему невероятному облегчению, она обнаружила, что со вчерашнего дня ничего не изменилось, что она по-прежнему девушка, а не мальчик, хоть и зовет себя Михалом. Тут Мадленка напоролась на острие одной из двух стрел, которые по-прежнему таскала под курткой, и чуть не заорала. Вдобавок она внезапно почувствовала, что в будке темно, неуютно и амбре как-то не того-с, так что лучше убраться отсюда, да поскорее. В дверь уже ломились страждущие, и Мадленка, наскоро заправившись, уступила им место.

«Я – это я. Я – Мадленка Соболевская. А та, другая, – самозванка, и я ее разоблачу», – с такими мыслями Мадленка отправилась в прогулку по замку князя Доминика.

Территория оказалась огромной, хотя сам замок более раскинулся вширь, чем ввысь. Две стены укреплений и ров, заполненный зеленоватой водой, делали его, на взгляд Мадленки, совершенно неприступным.

«Ого! Немудрено, что князь Доминик не боится крестоносцев», – подумала она, рассматривая укрепления.

Особенно восхитил Мадленку огромный «огнеплюй» – тяжелая чугунная пушка, выставившая свое рыло в небо. Девушка поцокала языком, обходя махину кругом. От деда она слышала о таких диковинах, посылающих ядра с порохом на огромное расстояние. Правда, «огнеплюи» пока очень несовершенны и все норовят взорваться при первом выстреле. Дед говорил, что тут нужна тонкая наука, чтобы разобраться, что к чему, а покамест придется обходиться старыми добрыми баллистами и катапультами.

– Ваша милость! – настойчиво произнес чей-то голос не то в третий, не то в тринадцатый раз над ухом у Мадленки.

Она подпрыгнула на месте и резко повернулась к говорившему. Им оказался аккуратный юноша, чистый лицом, с виноватыми добрыми глазами и впалой грудью.

– Вы Михал Краковский? Князь Август велел мне позаботиться о вас. Я Дезидерий, слуга его княжеской милости.

Ага, подумала Мадленка, знаем мы его милость. Разбойник, и ничего более. Надо быть осторожной и держаться начеку, кто знает, с какой целью он подослал этого Дезидерия. Человек с такой чересчур честной физиономией наверняка не может не быть злодеем.

– Дезидерий, – сказал лже-Михал вслух, – я очень давно в дороге...

Намек был понят мгновенно, и минут десять спустя в одной из многочисленных комнат замка Мадленка уписывала превосходный обед. Дезидерий стоял рядом и по знаку Мадленки подносил все новые и новые блюда, дивясь про себя прожорливости княжеского протезе.

– Вы откуда изволили прибыть – из Кракова? – спросил Дезидерий между уткой с яблоками и мясным пирогом.

Вопрос не понравился Мадленке, тем более что она сама не знала, как на него ответить, чтобы не возбудить подозрений.

– Я из монастыря, – коротко сказала она. – А где князь Август?

– Занят.

Мадленка вздохнула и отпила вина, мучительно соображая. Во-первых, следовало отбить у Дезидерия охоту к расспросам, во-вторых, неплохо бы его самого порасспрашивать, в-третьих, в замке происходит непонятно что, и поэтому следовало действовать особенно осмотрительно. Верить же никому нельзя. Взять хотя бы Августа: такой симпатичный отрок, и лицо открытое, располагающее, а вот поди ж ты – напал на крестоносцев, и не исключено, что засада в лесу тоже его рук дело. Откуда только взялась та самая лже-Мадленка? Тут лже-Михал яростно закашлялся. Все совершенно непонятно.

– Он известит вас, когда вы сможете увидеть князя Доминика, – подал голос услужливый Дезидерий.

Мадленка решилась.

– Хороший ты человек, Дезидерий, и хозяин твой тоже (Дезидерий согласно склонил голову), дай ему бог здоровья и всяческого благополучия, и тебе тоже. Но, наверное, после того, что произошло с матерью Евлалией... вся эта суматоха, и вот та девушка... Как бишь ее?

– Магдалена Соболевская, – подсказал парнишка услужливо.

– Вот-вот, – поддакнула Мадленка, дернув щекой. – И крестоносцы бесчинствуют, презирая христиан... – Тут Мадленка икнула и прикрыла рот ладонью. – А что произошло все-таки? – спросила она внезапно с преувеличенным любопытством, снижая голос до шепота. – Разве настоятельница везла с собой огромное богатство? Садись, Дезидерий, да расскажи мне, а то я, признаться, ничегошеньки не понял.

В глазах Дезидерия мелькнуло уважение. «Надо же, гость хоть и с князем, говорят, запанибрата, перед слугой не ломается, не чинится», – подумал он и, не заставляя долго себя упрашивать, сел на предложенное место.

Мадленке пришлось вторично выслушать хвалу матери Евлалии, ее благочестию и святости. По словам Дезидерия, на обратном пути настоятельница обещала заглянуть в замок, чтобы проведать князя Августа, своего крестного сына. Впрочем, никому не было точно известно, когда именно настоятельница должна

прибыть, поэтому никто особенно и не беспокоился. Вечером одиннадцатого числа в замок явился некто Яромир, которого настоятельница послала вперед, собираясь в дорогу. Яромир заготовил на постоялом дворе все для ночлега, но настоятельница так и не появилась. Десятого числа она должна была выехать из Каменок, имения Соболевских, и Яромир, боясь, не случилось ли чего, сел на татарского коня и поскакал кратчайшей дорогой в Каменки. Там ему стало известно, что мать Евлалия давно уехала, но сын Соболевских, сопровождавший часть дороги свою сестру, которая должна была вступить в монастырь, все еще не вернулся, и родители ужасно волновались. (Мадленка тут закусила губу.) Яромир напоил и накормил в Каменках коня, после чего во весь опор помчался в замок и дал знать князю, что происходит нечто неладное. Князь Доминик забеспокоился – настоятельница была близкой подругой его матери, и он хорошо знал и глубоко почитал ее. Вчера он послал в разные стороны разъезды с приказом известить его, если они что-нибудь обнаружат. Разъезды обследовали все дороги, но никого не нашли, а ближе к ночи в замке появилась рыдающая женщина, назвавшаяся Мадленкой Соболевской. Оказалось, что в лесу на их караван напали крестоносцы, всех перебили, лошадей и волов увели (Мадленка почувствовала, как у нее пересохло в горле), а все, что дали Мадленке с собой родители, забрали и скрылись. Дело совершенно ясное, только вот доказать вину вероломных немцев будет трудно – они, поди, уже далеко, и не догонишь их. Князь тем не менее отечески отнесся к бедной потерпевшей, обезумевшей от горя (Мадленка тяжело засопела носом), и дал ей приют. Хотя мог бы не делать этого – ведь как-никак ее отец в свое время отказался от присяги князю Доминику, не признавая его более своим господином и повелителем, и присягнул на верность непосредственно самому королю Владиславу, а ведь именно отец нынешнего князя даровал Каменки отцу пана Соболевского за его заслуги. (Мадленка открыла рот, но тотчас закрыла его. Почему-то ей всегда казалось, что Каменки принадлежали их семье вечно, а тут – поди ж ты – с именем, значит, разыгралась такая драма.) Это произошло еще в малолетство князя Доминика, прибавил всезнающий Дезидерий, когда многие шляхтичи и поблагородней Соболевских начали, пользуясь юностью князя, заявлять о своих правах. Хорошо, что княгиня Эльжбета, мудрая женщина, не потакала всяким вольнодумцам и твердой рукой осуществляла регентство, не то бог знает что могло бы произойти.

Теперь Мадленка поняла, отчего имя князей Диковских всегда упоминалось в их доме с легким оттенком пренебрежения. Мол, князья и князья сами по себе, а мы, Соболевские, сами по себе и своей судьбы хозяева. Чудно все-таки устроены люди, размышляла Мадленка. Ведь князь Доминик – вассал короля, и разве не все равно, королю присягать или ему самому? Но вот сейчас выходило, нет, не

все равно.

– И что же теперь будет? – спросила Мадленка, когда Дезидерий закончил свой рассказ.

Тот потупился. Гость не заносился, не важничал, а это, как ни крути, было чертовски приятно. Поколебавшись, верный слуга неохотно молвил:

– А что будет? Я так думаю, ничего не будет. – Он придвинулся к Мадленке и зашептал ей в ухо: – Немцы – они сильные, и ничего тут не поделаешь. Ну, побили их при Грюнвальде, а Мальборк как стоял, так и стоит. Так что ничего им за их вероломство не будет, и никто даже не посмотрит, что убита двоюродная сестра покойной королевы.

Точно ничего не будет, подумала Мадленка. Потому что не их рук дело нападение на караван. Если уж кому-то понадобилось вводить в игру (а в том, что кто-то ведет тонкую и чрезвычайно нечистоплотную игру, Мадленка более не сомневалась) самозваную Магдалену Соболевскую, рискуя, что ее разоблачат, значит... значит... Эх, знать бы наверняка, что все это значит. Ясно только одно: крестоносцы здесь ни при чем, а вот юный Август, похоже, очень даже при чем, но никто, кроме Мадленки, ничего даже не подозревает.

– Вот что, Дезидерий, – сказала она, придав своему лицу выражение брата Михала, когда он изображал из себя взрослого. – Давай-ка выпьем за твое здоровье. И не отказывай мне, иначе я до смерти обижусь.

Восхищение Дезидерия гостем росло с каждым мгновением. Они чокнулись кружками, выпили за здоровье слуги, потом за здоровье Михала Краковского, а еще – за здоровье светлейшего князя Доминика Диковского, да хранит его бог. Потом Мадленка вспомнила о настоящем Михале, и ей захотелось плакать.

Вошел паж, сказал что-то вполголоса Дезидерию. Тот поднялся, встала и Мадленка.

– Князь готов принять вас.

«Пора, – подумала Мадленка и похолодела. – Господи, что же я скажу князю? С чего начну?»

Глава 10,

в которой Мадленка встречается с самой собой, не страдая при этом раздвоением личности, сиречь шизофренией

– Великий князь. Я – настоящая Мадленка Соболевская. Та, что пришла к тебе вчера, лгунья и бесстыжая самозванка. Запри ее покрепче, князь, и вели хорошенько пытаться, чтобы она выдала своих сообщников, а именно тех, кто на самом деле предал лютой смерти мать-настоятельница и семнадцать других человек. Ибо, хотя вышеназванная самозванка, не являясь Мадленкой Соболевской, не могла быть на месте преступления, ей все же слишком хорошо известно то, что там произошло, а значит, ей поведал об этом тот, кто там был и все видел, а именно один из убийц. Ты хочешь знать, кто он? Хочешь знать, кто мог совершить подобную гнусность? Посмотри на своего племянника Августа. На щеках его румянец, на губах его улыбка, но я не сомневаюсь, что именно он утром десятого мая напал на караван, и более того – могу доказать. У меня остались две стрелы, у меня осталась веревка, несомненно, принадлежащая ему. Смотри, великий князь, как он побледнел, твой дорогой племянник! Одна из стрел извлечена из тела крестоносца, который поведал мне перед смертью, что она пущена оруженосцем князя Августа. Ты спросишь меня, что за крестоносец, великий князь? Отвечаю: он вез тебе выкуп за члена их ордена, который является твоим пленником. Ради денег Август, волк, прикидывающийся овцой, напал на крестоносцев, ради денег истребил мать Евлалию и ее людей. Молю тебя, князь, не дай свершиться беззаконию! Покарай его так, как он заслужил!

– Ну да, так я тебе и поверил, – развязно возражал князь, принимая то облик ксендза Соболевских Белецкого (старого и угрюмого), то некоего сурового вида господина с высоким бледным челом и печатью утомленности на породистом лице. – Ты, сударыня моя, вообще кто такая есть? Как я проверю, что ты Мадленка Соболевская, а не какая-нибудь Марыся Голопупенкова? Да будь ты даже принцесса литовская, все равно! Как ты смеешь вообще, сударыня моя, возводить поклеп и напраслину на моего дорогого племянника, сына моей обожаемой сестры?

– Действительно, – восклицает розовощекий племянник, – как она смеет! После того, как я сам привел ее в замок и сделал ей столько добра, между прочим, накормив отменным мясным пирогом! Эй, стража, кто там есть, посадить ее на кол!

– Уберите ее отсюда! – заключает князь и вальяжно машет ручкой.

– Но как же, – кричит Мадленка, упираясь, – я же все знаю! Я была там! Вы не можете со мной так поступить!

– Еще как можем, – ухмыляется омерзительный Август, и дюжие стражники вытаскивают несчастную жертву произвола во двор, где у нужника сидит не кто иной, как Дезидерий, и с умным видом, который у него всегда наготове, затачивает под кол одну из загаженных досок...

У Мадленки от волнения вспотели ладони. Битые полчаса, что она наравне с другими провела в большом зале в ожидании князя, она прикидывала и так и эдак, перебирая разные варианты, но ни один не кончался так плохо, как вышеприведенный. Мадленка даже представила себя на колу и зажмурилась. Нет, не годится, решительно не годится высказывать свои подозрения в такой форме. Более того, следует помнить, что любое неосторожное слово может и впрямь стоить ей жизни. Если негодяи не пощадили двоюродную сестру королевы, то вряд ли будут церемониться с ней, если заподозрят, что она знает больше положенного.

Но что собственно она знает?

Ничего. Что она видела? Пока ее спутников убивали, она в глубоком обмороке лежала на дне оврага. Правда, она сохранила стрелы и веревку. Причем стрелы явно польского происхождения, крестоносцы такими не пользуются. Этот пункт можно считать доказанным.

Теперь о причинах. И опять-таки Мадленке не давали покоя те двое нищих. За что их убили? Если они сказали ей правду и если убийцы даже не озаботились хорошенько рассмотреть награбленное, то какова была их истинная цель? Чего они добивались, чего хотели, почему не оставили в живых никого? Зачем наконец направили к князю какую-то девицу-самозванку? Взгляд Мадленки обратился на Августа, стоявшего у самого трона. А он-то, такой открытый и с

виду неспорченный юноша, зачем напал на крестоносцев?

Мадленка закусил губу. Князь Август ей нравился, и, видит бог, она бы дорого дала, чтобы он никоим образом не был замешан в столь странном и страшном деле. Настоятельница была его крестной матерью. Что это доказывает? Ничего. Но у него точь-в-точь такие стрелы, как те, что поразили Михала. И опять: что это доказывает? Ничего.

Мадленка встрепенулась. «Надо выяснить, где он и его люди были утром десятого числа», – внезапно подумала она. Бог мой, как все просто! Следует узнать, кто еще пользуется стрелами – как их назвал крестоносец, каро, – с тяжелым наконечником. И опять же: подпадут под подозрение только те, кто отлучался утром десятого или немного раньше.

От собственной сообразительности Мадленка повеселела, и на душе у нее сделалось тепло.

Но для того, чтобы вычислить истинного убийцу, необходимо остаться при дворе. И еще: хорошо бы найти самозваную Мадленку Соболевскую и втереться к ней в доверие. Дед говорил, что не родилась еще та женщина, которая умеет держать язык за зубами, а дед, что ни говори, разобрался в таких вещах.

Толпа придворных ожила, зашевелилась.

– Князь идет! – слышались голоса.

Мадленка обернулась к дверям. Ей стало любопытно, как же на самом деле выглядит всесильный князь Диковский, которому когда-то отказался присягать ее отец.

Князь появился не один, а в сопровождении маленького, чинно семенящего человека – лысого, кругленького, с крючковатым носом – в духовном облачении.

– Епископ Флориан, –дохнул кто-то в ухо Мадленке.

Но не епископ Флориан привлек ее внимание. Мадленка привстала на цыпочки и даже рот раскрыла от изумления. Так вот он, оказывается, каков, князь

Доминик!

Угрюмый ксендз? Господин с постной физиономией? Фиг вам! На полголовы выше всех присутствующих, широкий в плечах, видный молодец с черными кудрями до плеч, высоким крутым лбом и соболиными бровями, из-под которых весело смотрели искрящиеся зеленые глаза.

Князь рассек толпу (епископ еле-еле поспевал за ним), рассеянно кинул взгляд куда-то вбок, на пустеющее ныне место (ага, здесь, наверное, всегда стояла его мать, догадалась чуткая Мадленка) и сел. На князе было что-то черное поверх чего-то алого, на груди висела массивная золотая цепь, на пальце сверкал, подмигивая, драгоценный перстень. Мадленка оглянулась и увидела, как некоторые сановные паны подтянулись, как по команде, выпятили грудь и втянули животы. Женщины тоже оживились, но несколько иначе: улыбались украдкой, вздыхали и бросали на князя нежные томные взоры. Мадленку это почему-то рассердило.

Князь о чем-то вполголоса заговорил с племянником, но тут их прервали: двери неожиданно распахнулись, и в зал вбежала невысокая русоволосая девушка в платье серого алтабаса[4 - Алтабас – старинная парча, затканная золотом и серебром.]. Она обвела придворных отчаянным взглядом, подбежала к князю, кинулась перед ним на колени и выкрикнула душераздирающим голосом:

– Яви милость, князь! Пожалей несчастную!

Толпа заволновалась, придворные недоуменно переглядывались. «Кто она, кто такая?» – перелетало из уст в уста.

Князь Доминик повелительно простер правую руку, и шум тотчас стих.

– Любезные господа, – негромко отчеканил он, – вы видите перед собой Магдалену Соболевскую, единственную, кто уцелел после страшной резни, учиненной крестоносцами. Многие из вас уже слышали о ней.

Девушка в сером рыдала, распростершись на полу. Несколько дам подошли, чтобы поднять ее; но она решительно оттолкнула их, продолжая рыдать:

– На моих глазах их всех... на моих глазах... убили... не пощадили никого... Мать Евлалия... она только успела сказать: «Что творите, ироды?» – и этот... рыцарь...

Мадленка ощущала в душе странную пустоту. Она думала: я, именно я должна быть сейчас перед князем... все эти воспоминания должны принадлежать мне... Но девушка не чувствовала ничего, только жгучий и вместе с тем холодный интерес. Ах, какая лицедейка, какая талантливая лицедейка! Речь обрывается на полуслове... актриса захлебывается рыданиями... и неудивительно, что на всех лицах можно прочесть негодование, что высокий пан напротив с жидкой бородой покраснел, как вареный рак, а вон та немолодая дама в безвкусном коричневом платье утирает слезы уголком вышитого платка.

– Они убили всех! – истошно, в голос завывала самозванка. – Никого не пощадили, никого, даже моего брата, моего... единственного брата! Покарай их!

– Покарай их! – повторило несколько голосов.

Мадленка вздрогнула: не мечтала ли она о чем-то подобном? И вот ее мечта сбывается, сбывается на глазах – но каким чудовищным, уродливым образом.

Кое-как девушку оторвали от пола, подняли, повели. Она всхлипывала, валилась на бок, голова ее бессильно клонилась вперед, и когда глаза ее случайно на миг встретились с глазами Мадленки, та готова была поклясться, что в очах самозванки застыло выражение самого искреннего горя, а на лице проступила обреченность затравленного зверя.

«Ничего, – во внезапном приступе вдохновенной ярости подумала Мадленка, – я тебя раскушу, даст бог... И не таких раскусывали».

Прием закончился, не начавшись. Часть придворных отправилась вслед за страдальцей, засвидетельствовать ей почтение и предложить свои услуги, часть потянулась вслед за ними из чистого любопытства. В зале осталось не более полутора десятка человек – чернокудрый князь Доминик, его племянник, епископ, писец, Мадленка и несколько дам и благородных шляхтичей. Мадленка колебалась, отправиться ли ей вслед за самозванкой, чтобы попытаться с ней подружиться, или остаться и все же рискнуть рассказать князю правду о происхождении, но тут она вспомнила последнее свое видение, закончившееся приказом посадиться на кол, и ей сразу же расхотелось откровенничать с кем бы

то ни было.

– Это неразумно, князь, – говорил меж тем епископ Флориан, укоризненно качая головой. – Нам не с руки воевать сейчас с крестоносцами.

– Епископ, произошло чудовищное преступление, и я обязан разобраться в нем, – твердо отвечал князь, потирая подбородок рукою, поставленной на подлокотник трона. – Вы же слышали, что говорила несчастная, вы были вчера, когда она появилась. Настоятельница исчезла, а эта девушка – единственная ниточка, которая у нас есть. Что я скажу королю, если он спросит меня, что случилось с его родственницей?

– Королева Ядвига преставилась двадцать один год тому назад, – заметил епископ, как показалось Мадленке, не слишком вежливо.

Князь метнул на прелата огненный взгляд.

– На вашем месте, – упорствовал епископ, – я бы не доверял Мадленке, тем более что она из Соболевских, а вам отлично известно, что они за народ и как на них можно положиться.

Настоящая Мадленка, услышав его слова, почувствовала, что у нее даже уши загорелись.

– Между нами, – продолжал епископ, понизив голос, – она показалась мне немного не в себе, почти как безумная Эдита.

– Епископ! – с возмущением воскликнул Август. – Не забываетесь ли вы?

– Ничуть, – осадил юного вельможу Флориан. – Все, что у вас есть, это слова девушки. Король, может быть, и поверит вам, но крестоносцы, если вы явитесь к ним с ее рассказом, поднимут вас на смех. Пусть панна Соболевская укажет, где именно произошло ужасное несчастье. Она все кивает на какой-то лес... – Так обыщите его, найдите тела, пусть их опознают и похоронят по-христиански. Таков ваш долг. Потом уже можно будет говорить о возмездии и прочем, смущать народ и призывать к бунту.

– Кажется, вы не верите молодой панне, – мрачно заметил какой-то вельможа в шитом тусклым золотом жупане. – Вы что же, решили, будто она выдумала кошмарную историю ради собственного удовольствия?

Епископ протестующе потряс пухлыми руками.

– О, ничего подобного! Но наша панна и впрямь немного не в себе. Сегодня утром я счел своим долгом побеседовать с ней. Она не смогла мне точно сказать, сколько с ней было вещей и какие они, не помнит, как зовут ее деда, более того, утверждает, что он давно умер, хотя мне доподлинно известно, что он скончался лишь в прошлом году. И еще: сначала девушка сказала, что у нее три сестры, мать и отец, а потом заявила, что сестер четыре. Что-то тут неладно, и лично я, пока не увижу тело благородной матери-настоятельница, не поверю ни единому слову так называемой очевидицы.

«Ого, а епископу-то палец в рот не клади, – думала Мадленка, с нескрываемым удовольствием слушая рассуждения епископа. – Вот именно! Три сестры... четыре... А их пять! И откуда девице знать, что за вещи были при мне, если убийцы разъехались, бросив повозки на дороге? Самозванка их и в глаза не видела! Да, теперь все сходится. Нищий не лгал. Ограбление было просто для отвода глаз».

– Господин епископ, – прервал его Август, – мы не выслушали еще одного свидетеля.

Флориан слегка нахмурился, но тотчас же согнал с чела проступившую на нем досаду.

– Да? И кто же?

– Этот юноша. Михал из Кракова. – И, выступив вперед, Август указал на Мадленку.

Глава 11,

в которой князя Августа выводят на чистую воду

Глаза всех присутствующих обратились на диковинно одетого юношу с морковными кудрями, и Мадленке, столь неожиданно оказавшейся в центре всеобщего внимания, стало, мягко говоря, малость неуютно. Она застенчиво кашлянула, сняла шапку и поклонилась так низко, как только умела.

– Он сказал, что ему известно нечто о том, что произошло на твоих землях, – донес подлец Август.

Брови князя Доминика взметнулись вверх.

– Что ж, юноша, говори. Как тебя зовут?

– Михал, ваша милость.

Вблизи князь гляделся еще импозантнее, чем издали, и на мгновение Мадленка даже ощутила легкий укол ревности. Э-эх, и повезло же покойной жене князя Доминика! Не в том смысле, конечно, что она уже покойная, а в том, что была его женой. Такое счастье выпадает далеко не каждой женщине, ох, не каждой! Вот ее, Мадленку, и вовсе хотели упрятать в монастырь, за птицами приглядывать. Тоже мне, нашли занятие для благородной панны...

– Говори, – велел князь, удивленный странным молчанием рыжего отрока.

Мадленка опомнилась.

– Наверное, ваша милость, я не скажу вам ничего особенного, – Мадленка замялась. – И не о том, о чем вы думаете. Не о нападении на мать-настоятельница, упокой господь ее душу. – Мадленка набожно перекрестилась.

– Аминь, – счел нужным вставить епископ Флориан.

– По дороге сюда, – сказала Мадленка, – я видел отряд крестоносцев.

На лице Флориана изобразилось величайшее замешательство. Мадленка же подняла голову и впиалась глазами в Августа.

– О, ваша княжеская милость, то был особенный отряд. Они все лежали на дороге мертвые.

Август дернулся, сглотнул слюну и багрово покраснел. «Выдал себя, голубчик», – злорадно подумала Мадленка.

Кто-то из вельмож тяжело вздохнул. Мадленка поймала взгляд одной из дам – спокойный и сосредоточенный, ждущий продолжения.

– Я подумал, – спокойно продолжала Мадленка, – что, раз это произошло на вашей земле, князю следует знать о случившемся, и поспешил сюда. Я не очень много жил на свете, но мне хорошо известно, что крестоносцы не из тех людей, что прощают оскорбления. – «И благодеяния тоже», – подумалось ей. – Отряд был совсем небольшой, и я не знаю, что крестоносцам могло понадобиться в здешних краях. Я набрел на них по дороге сюда. У них особое знамя – голубое с черным крестом их ордена и изображением солнца. – Теперь Август был бел как полотно. Мадленка развела руками и невинно улыбнулась. – Я совсем не умею рассказывать, милостивые господа. Если вам угодно что-то знать, спрашивайте меня. Даже не знаю, не зря ли я отнимаю ваше драгоценное время. Я...

– Крест и солнце... – пробормотал епископ. – Господи боже, знаки комтура фон Мейсена...

– Того бешеного, что разорил Белый замок? – изумился князь Доминик.

– О боже, боже, – повторил епископ. – О, боже! Крестоносцы любят его, они никогда нам не простят его гибели.

– Про него ходит недобрая слава, – с мрачной усмешкой заметил вельможа в жупане. – Говорят, будто сама смерть его боится. Он мертв? Ты и впрямь видел его мертвым? Это очень важно, юноша.

Мадленка съежилась. Сказать: «Нет, я залепил ему раны и в придачу помог сесть в седло», она не могла. Но, в конце концов, вряд ли рыцарь дотянул до Торна, так что ответ: «Конечно, умер» – в данных обстоятельствах вполне уместен. Только надо быть осторожной, а то как бы не попасться на вранье, как глупая самозванка. А ну как Августу точно известно, что Боэмунд фон Мейссен живехонек? Мадленка вспомнила бледность рыцаря, пот, катившийся градом по

его лицу. «Да нет, он уже мертв. Три раны, две колотые и одна от стрелы...».

– Я не знаю, как он выглядит, – пробормотала Мадленка.

Князь Доминик взглянул на вельмож, которые смущенно потупились. Похоже, никто из них не имел случая взглянуть фон Мейссену в лицо и остаться в живых после встречи с ним. Василиск, настоящий василиск, хоть и синеглазый. Забавно, но Мадленка поймала себя на том, что улыбается.

– Он носит темные доспехи с изображением солнца, – нерешительно сказал кто-то из панов – молодой человек с длинным лошадиным лицом и безвольной линией рта. – Ездит на вороном коне, насколько мне известно.

– А-а, – протянула Мадленка, – тогда он точно мертв. Конь лежал с перебитым хребтом, и я добил его.

Вельможи заговорили разом:

– Не может быть.

– Надо же!

– Он же неуязвим, я знаю. Он заговорен!

– Однако же умер, как видите.

– Тихо! – крикнул князь Доминик. – Но он точно был мертв? Я имею в виду, ты уверен, юноша? Иногда раненый кажется мертвым или нарочно притворяется.

– Да ну, притворяется! – фыркнула Мадленка. – У того рыцаря в темных доспехах из бока торчала стрела, и вороны уже ему глаза клевали. Я еще у него кинжал позаимствовал.

Князь властно протянул руку.

– Покажи!

- Это мое, - проворчала Мадленка упрямо.

- Дай его мне, юноша.

Мадленка, глядя исподлобья, достала из-за отворота куртки мизерикордию и положила ее на ладонь князю. На мгновение она коснулась прохладных пальцев Доминика, и ее вдруг пронзила дрожь, но скорее приятная. Это было совсем непонятно, и Мадленка решила, что ей все равно нечего бояться, а раз так, то и дрожать не стоит. Доминик внимательно осмотрел клинок, протянул его Августу - тот оружие в руки не взял. Вельможи придвинулись к трону, чтобы взглянуть на трофей, и даже дамы, до того державшиеся в некотором отдалении, подошли ближе.

- Да, кинжал наверняка его, - заявил тот, что в жупане. - Ей-богу, по такому случаю я напыюсь.

- И я тоже! - подхватил его сосед.

Клинок переходил из рук в руки. Дамы ахали, а одна, дура, даже попробовала стать пальцем и порезалась, после чего немедленно упала в обморок.

- Панна Анджелика! - метнулся к ней Август. - Вам дурно?

Все-таки на нем лица не было, когда он слушал Мадленку. Она опустила глаза и закусила губу.

- Я могу забрать ножик? - сухо спросил лже-Михал у князя.

Князь Доминик метнул быстрый взгляд.

- Можешь, - подтвердил он. - Только это не ножик, а мизерикордия. Им врагам глотки режут, чтобы не мучились.

- Я запомню, - вежливо сказала Мадленка и поклонилась в пояс.

Она уже собралась спрятать мизерикордию, когда к ней подскочил тот самый, с длинным лицом, что описал ей доспехи крестоносца.

– Слушай, юноша, – заговорил он, волнуясь. – Сколько ты хочешь за кинжал? Я богат и хорошо за него заплачу.

– Да нисколько, – сказала Мадленка, недоуменно пожимая плечами. – Он не продается.

– Десять золотых флоринов! – крикнул пан. – А?

Мадленка поглядела на него укоризненно.

– Говорят тебе, пан, не продается.

– Двадцать флоринов! Тридцать! Хорошо, пятьдесят. Пятьдесят, и кончено. По рукам, да?

Длиннолицый прямо трясся от возбуждения. Мадленке даже стало жаль его.

– Эк тебя лихоманка-то схватила, – сказала она, прицокнув языком. – Да на что тебе ножик? Я им, слава богу, никого резать не собираюсь.

– Двух моих братьев, – зашептал шляхтич, окончательно потерявший голову, – двух братьев моих окаянный Мейссен этим кинжалом порешил. Как они сошлись с ним в битве, так и разошлись. У них, у братьев моих, мечи были, а у Мейссена меч сломался. Так что ты думаешь – он мизерикордию с боку хватить и на них кинулся. Убил, обоих убил, и броня не помогла. Зверь он, а не человек, и сердце у него было звериное. Я кинжал хочу перед глазами всегда иметь, чтобы помнить, что и на него нашлась божеская управа. Слава богу, слава святым, он умер! Да будет благословенен тот, кто поразил треклятого рыцаря!

Шляхтич закрыл лицо руками и разрыдался. Мадленке стало неловко. Она подняла голову и увидела Августа.

– Это я, – молвил тот спокойно.

– Что? – живо спросил епископ, оборачиваясь к нему. – Что ты сказал?

– Я убил его, – повторил Август. – Я сделал это.

Глава 12,

в которой появляется невиданный зверек

Все заговорили разом, и, как всегда бывает в подобных случаях, возникла полная неразбериха. Епископ Флориан издавал бессвязные восклицания; князь требовал объяснений; восторг, недоумение, изумление выражались в речах шляхтичей, а тот, что торговал только что у Мадленки мизерикордию, в порыве благодарности бросился перед юным воителем на колени и стал целовать его руки, орошая их слезами. Август стоял с горделиво вскинутой головой и плотно сжатыми губами, рук у ошалевшего шляхтича, невнятно клявшегося в своей вечной преданности, не отнимал и вообще всем своим видом словно бросал вызов присутствующим, в том числе и Мадленке. Она жадно впиалась взором в его лицо, но ничего, кроме упоения собственной удачей, на нем не видела. Даже если Август и впрямь напал на крестоносцев из засады, как утверждал рыцарь с солнцем на доспехах, совесть его была совершенно ничем не замутнена.

– Быть беде! – вскричал Флориан, воздевая руки. – Верно, это те самые рыцари, что должны были доставить выкуп за анжуйца. И ты сам выписал им охранное свидетельство, князь!

– Да, с ними и впрямь был сундук с деньгами, – подтвердил Август, блестя глазами. – Я думаю, хорошая мысль это была – дать им пропуск и выманить зверя из его берлоги.

Вмешался князь Доминик, заявив, что будет говорить с племянником наедине, и попросил всех, кроме Августа и епископа, удалиться. На виске у статного князя дергалась жилка.

– Потому что дело слишком важное, – добавил он, – мы должны обсудить его без помех. – Взгляд, которым он наградил Августа, не сулил последнему ничего хорошего. – Оставьте нас.

Слово князя Диковского было законом, и вскоре зала опустела. Мадленка очень хотела остаться и послушать, о чем будет разговор, но епископ с таким неудовольствием воззрился на нее, что она была вынуждена поклониться и проследовать к дверям, как прочие.

Предоставленная самой себе, Мадленка отправилась полюбоваться на «огнеплюй», который ей чрезвычайно приглянулся. Никто не обращал на нее внимания, и, присев в тени пушки и обхватив колени руками, она предалась нелегким размышлениям.

В части, касающейся Боэмунда фон Мейссена, расследование можно было считать законченным. Крестоносец не напал на караван матери Евлалии. У него было дело гораздо важнее: он вез выкуп за собрата, томящегося в замке, и имел охранное свидетельство на проезд по землям князя (которое, однако, его не охранило, мысленно скаламбурила Мадленка). Князь Август со своими людьми подстерег его, разбил отряд наголову и отобрал выкуп. Мадленка затруднялась определить, прав Август или нет. Разумеется, некрасиво нападать так на неприятеля, который не ожидает твоего появления и вдобавок имеет грамоту от самого князя Доминика, но, с другой стороны, о грамоте Август мог и не знать. И потом, противником его были крестоносцы, а с ними особо церемониться нечего. Гораздо больше Мадленку интересовал вопрос: мог ли Август быть тем, кто истребил в лесу ее спутников и приказал убить Михала.

Но зачем? Она думала, напряженно наморщив лоб. Зачем? Ведь настоятельница была его крестной матерью. Или он позарился на добро, которое Мадленка везла с собой? Если так, то отчего же бросил его у дороги, где его нашли нищие?

Да, но ведь кому-то надо было для отвода глаз послать лже-Мадленку, которая без запинки показала, что нападавшими были именно крестоносцы. И этот кто-то наверняка знал, что же в действительности произошло в лесу. Либо он был виновным, либо покрывал его, что в данном случае одно и то же.

Первое: надо хорошенько приглядеться к самозванке Магдалене Соболевской, постараться приблизиться к ней, чтобы побольше разузнать. Рано или поздно она себя выдаст.

Второе: не выпускать из поля зрения князя Августа.

Третье: отыскать кузнеца, который кует те самые тяжелые наконечники. Глядишь, может, от него узнается что-нибудь полезное.

Четвертое: скрываться ото всех, сколько возможно. Никто не должен знать, зачем она здесь и кто она на самом деле... По крайней мере пока.

Мадленка воспрянула духом. Сама себе в тот момент она казалась ужасно умной, чрезвычайно храброй и невероятно находчивой. Сознание собственной правоты вдохновляло ее, побуждало к немедленным действиям. Девушка разрывалась между желанием найти самозванку и свернуть ей шею, дождаться окончания беседы Августа с князем, чтобы попытаться что-нибудь вытянуть из него, немедленно отправиться на поиски мастера, выковавшего смерть для ее брата. Мадленка уже почти решилась заняться шеей самозванки, когда перед ней неожиданно предстал Дезидерий.

– Госпожа Анджелика просит пожаловать вас к себе, – церемонно объявил он.

Мадленка насупилась. Она знать не знала никакой госпожи Анджелики и не собиралась идти к ней. На всякий случай спросила:

– А кто она такая?

В глазах Дезидерия мелькнуло удивление, тут же, впрочем, сменившееся пониманием.

– Ах да, ведь ваша милость недавно при нашем дворе. Панна Анджелика сирота.

– И? – поторопила слугу Мадленка, чувствуя, что тот чего-то недоговаривает.

– Она из Литвы, – пояснял Дезидерий, явно испытывая неловкость, – и... очень хорошо принята князем Домиником.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подразумеваются носившие одежду с крестами рыцари Тевтонского ордена, в описываемое время имевшего собственное государство, которое располагалось на территории, захваченной у Пруссии, Польши и Литвы (здесь и далее – примечание автора).

2

Аксамит – старинный плотный узорчатый бархат.

3

Творительный падеж (лат.).

4

Алтабас – старинная парча, затканная золотом и серебром.

Купити: https://tellnovel.com/verbinina_valeriya/rycar-temnogo-solnca

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)